

Ка Ту Луа

У СМЕРТИ
ТВОЙ
ГОЛОС

Ка Ти Лин
У смерти твой голос

«РОСМЭН»

2023

Лин К.

У смерти твой голос / К. Лин — «Росмэн», 2023

ISBN 978-5-353-10616-6

Двадцатилетняя Ли Юн Хи общению со сверстниками предпочитает изучение древнего искусства бацзы – предсказаний по пяти стихиям. Для самой Юн Хи приговор бацзы неумолим: если она влюбится до своего тридцатилетия, то умрет молодой! Юная предсказательница твердо намерена запереть сердце на замок, но одно дело – незваная любовь, а другое – таинственная гибель других молодых девушек. Полиция не видит связи между этими смертями, но она очевидна для Юн Хи – достаточно лишь составить гороскоп бацзы. Девушка твердо намерена доказать свою правоту хмурому инспектору Чану. Но что сложнее: убедить полицейского в своей теории или не влюбиться в него с первого взгляда? Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-353-10616-6

© Лин К., 2023

© Росмэн, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ка Ти Лин
У смерти твой голос

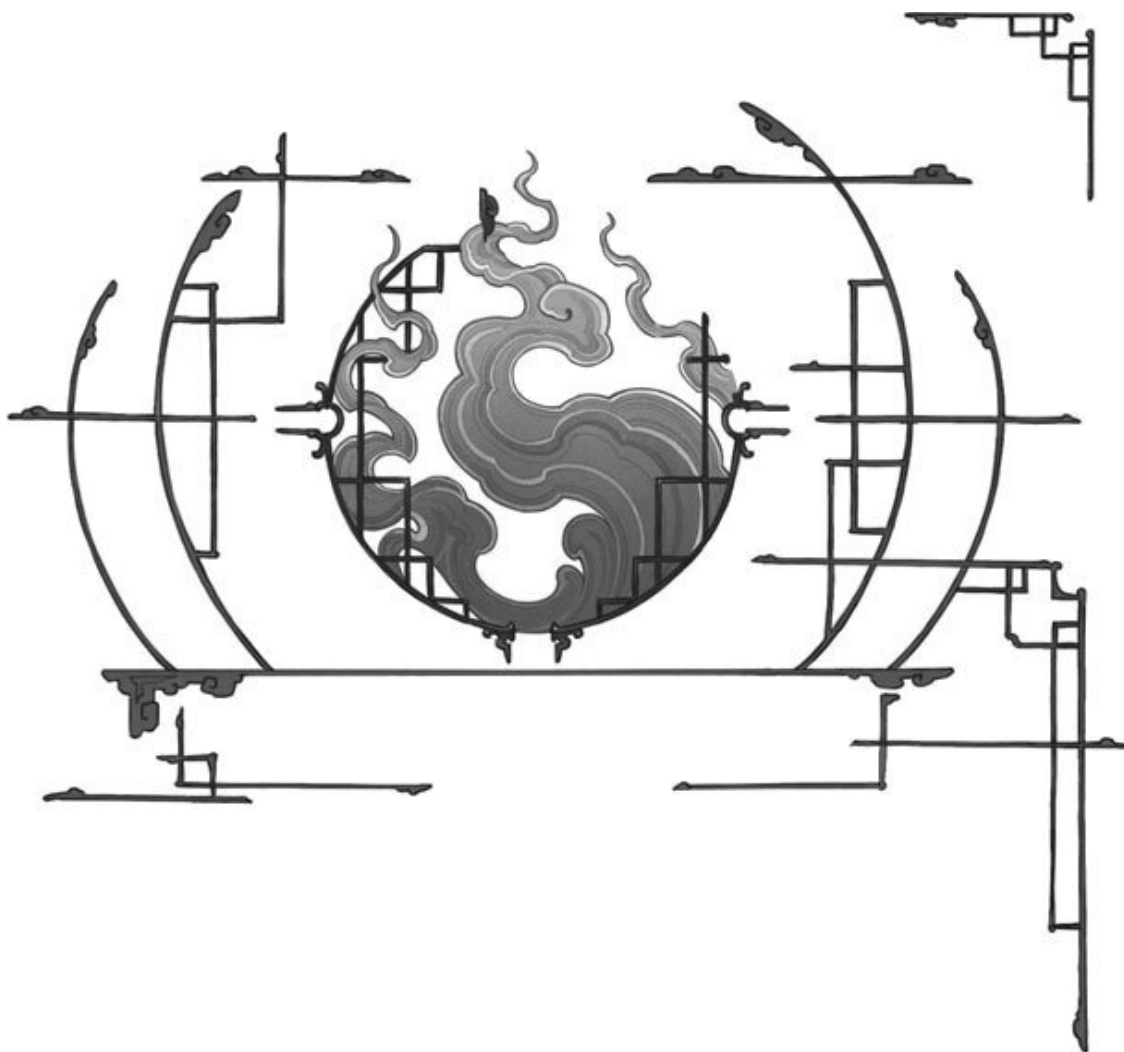
Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий. Описания и/или изображения проти-

воправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

© Ка Ти Лин, текст, 2023

© ООО «РОСМЭН», 2023

Глава 1 Небесные стволы

Южная Корея, Андон, 2024 год

Конечно, будущее можно предсказать. Для этого нужно лишь несколько цифр и грамотный мастер, который их истолкует. С цифрами все просто: каждый знает день и время своего рождения, а вот с мастерами – беда. Они на каждом шагу и в Сеуле, и даже у нас в Андоне, но качество услуг...

Неподалеку от моей любимой кофейни открылся новый астрологический салон «Цветок романтики», и я не могла не зайти. До встречи, изменившей мою жизнь, оставалось меньше суток, – и думаете, мне там на это хоть намекнули? Ха.

– Когда и где вы родились? – спросила предсказательница, тетюшка в традиционном ханбоке и модных очках.

– Пятое сентября две тысячи четвертого, десять утра, Андон.

– О, вы местная! – Она вбила мои данные в онлайн-калькулятор бацзы. – Небесный ствол – дерево ян, земная ветвь – Обезьяна. Нынешний год, год Дракона, подвергнет вас испытаниям. Но у вас мощная энергия дерева, которая найдет себе применение. Вы человек многих талантов. Делайте то, что любите, и все получится.

– Как это точно! – Я прижала руки к груди, стараясь не переигрывать. – Узнаю себя. Но как мне провести этот год, чтобы испытаний было поменьше?

– Судьба сама проложит себе путь в вашу жизнь, не пытайтесь избежать ее ударов. Встречайте их с гордо поднятой головой, и все будет в порядке.

– А что насчет любви?

– Если вы уже в отношениях, в них все будет успешно, а если нет – любовь придет к вам в свой час.

Я вздохнула. Да уж, надежды на встречу с великим предсказателем опять не оправдались. Ладно, последнее испытание.

– А если я полюблю прямо завтра, мне не грозит какая-нибудь опасность? – коварно спросила я, отлично зная ответ.

– Любовь – это чувство глубокой безопасности и доверия. Раз ощутив, вы ни с чем ее не спутаете. Она окутает вас покоем и безмятежностью, а произойти это может и завтра, и через год.

Ну вот это уже слишком! Безопасность и доверие были последним, что могла принести мне любовь. И за это предсказание я заплатила пять тысяч вон!

– Теперь давайте посмотрим друг другу в глаза, – сказала тетушка. Я покорно не моргала секунд тридцать. – Вот, я забрала плохую энергию и дала вам сильную энергию взамен.

Уйти молча или сказать? А, ладно, скажу: дело своей жизни надо отстаивать.

– Говорят, чем умнее астролог, тем туманнее его предсказания, ведь так он вообще никогда не ошибется, – выпалила я. – А я думаю вот что: из-за таких, как вы, к нашей профессии некоторые и относятся с предубеждением.

– Нашей профессии? Вы что, пришли посмеяться надо мной?

– Нет, госпожа предсказательница, но прошу: давайте людям больше точности. Пусть они поймут, что бацзы – великое искусство, а не «ой, все будет хорошо, ждите и надейтесь».

Она раздраженно фыркнула:

– Поживете с мое и поймете: будущее контролировать невозможно. Никто не знает, когда вы встретите свою любовь. В ваших силах только прийти к этой встрече полной сил и надежды.

Ну и шарлатанка! Такое любой может сказать, для этого мастером бацзы быть не нужно. Я встала и гордо пошла к выходу – неплохо было бы возмущенно бросить деньги на стол, но я заранее оплатила сеанс карточкой.

Даже интерьер был не так хорош, как у меня. Все такое безвкусное! Соломенные циновки, на стенах – распечатанные в плохом качестве портреты древних мудрецов с их великими высказываниями. Портрет Хо Тэ Мина, конечно, тоже тут был, а под ним – моя любимая цитата: «Чтоб завтра солнце встретить вновь, сегодня путь рассвету подготовь». Я поклонилась ему на ходу: буду почитать наставника даже на такой дешевой фотобумаге. Представляя, как ржал бы великий Хо Тэ Мин над предсказаниями этой дилетантки, я вышла на улицу, где звон цикад и запах ночных цветов возвещали начало лета.

Фестиваль Дано, фестиваль начала лета, – отличное время для бизнеса. Так говорит моя мать про любой праздник, только названия меняет. В город съезжаются туристы, а погадать на судьбу – традиционное развлечение во время поездки.

– Сократи время на каждого клиента, так больше успеешь принять, – наставляла мама на следующее утро за завтраком. – Я сделала расклад, и к тебе сегодня придет удача, но не знаю, в каком обличье. Будь внимательна и не упусти ее. У тебя есть кто-то по записи?

Я открыла календарь в телефоне, прекрасно зная, что никаких записей там нет. Салон работал всего месяц, и ко мне захаживали разве что по пути к экскурсионному автобусу. До маминой славы мне было как до звезд, к ней и по записи не попасть.

– Пока все свободно, – сообщила я тоном занятого человека. – Ну я пойду. Хочу начать пораньше, туристы еще до жары начнут съезжаться.

– Дочь своей матери, – проворчал папа, который клевал носом над чашкой полезного для сердца травяного отвара. – Лишь бы работать! Юн, увидишь симпатичного туриста, желательно из Сеула, даже не смотри на него. И ни в коем случае не признавайся, что у тебя обеспеченная семья.

– Тэхён, твои шутки меня в могилу сведут! – возмутилась мама. – У нее полно времени, чтобы выбрать себе мужа.

– Подходящего по бацзы, обеспеченного и чтобы смотрелся прилично, – без энтузиазма кивнул папа. – Да уж, такого можно и подождать.

Найти пару, идеально подходящую тебе по гороскопу бацзы, значит, найти свою вторую половинку. Клиенты часто приходят к нам за помощью в этом нелегком деле, и уж найти удачную пару самим себе мы просто обязаны, верно? Мама с папой оказались стопроцентным совпадением, о чем мама всегда упоминала в интервью, а мне похвастаться было нечем. Впрочем, моя проблема с отношениями была не в том, что трудно найти Быка, а еще лучше – Кролика, стихии огонь или металл. Все было гораздо хуже.

Во тьме космоса, в пространствах, где мы никогда не побываем, планеты и звезды движутся по своим маршрутам. Кто-то объяснит их пути магнитными полями и законом орбит, кто-то скажет, что Вселенную понять невозможно, а значит, незачем и пытаться. Важно одно: жизнь на земле подчиняется не только людским правилам. Есть древние законы, с которыми приходится считаться даже скептикам.

Каждый в моей родной Корее знает: место и время рождения человека определяют его судьбу. Под знаком какого животного ты рожден? Какая стихия – твой покровитель? В основе твоей личности лежит темный знак инь или светлый знак ян? Как пройти жизненный путь так, чтобы не упустить то, что тебе суждено?

В этом помогают те, кто стремится понять законы звезд и стихий, сплетение энергий, направляющих судьбу, – их с древних пор зовут предсказателями.

Я, Ли Юн Хи, – одна из них. Не из тех шарлатанов, которые скормят вам мешок банальностей, – нет, я ученица своей матери, астрологической суперзвезды (неплохой каламбур, запомню на будущее, когда смогу называть так сама себя!). И салон мой находится там, куда редко кому удастся пробиться: в этнографической деревне Йемтео, одной из достопримечательностей Андона: квадратный километр эпохи Чосон посреди большого города!

Попав сюда, оказываешься в прошлом: дома богачей, укрытые соломой хижины бедняков, конфуцианский храм, к которому восходишь по истертым каменным ступеням. Деревню охраняют как культурное наследие, так что каждый магазинчик, кафе и гостиница проходят строжайшую проверку, без знакомств никакой бизнес тут не открыть. Я с детства обожаю Йемтео, – мы живем совсем близко, – и в этот Новый год, когда мне исполнилось двадцать, получила лучший в жизни подарок.

– Ты уже неплохо освоила мастерство, – объявила моя великолепная мать. – Я решила, ты заслуживаешь собственного салона, и договорилась об одном помещении: оно небольшое, но тебе понравится.

Уже четвертый месяц я каждое утро заходила в деревню и все еще не могла прийти в себя от счастья. А сегодня утро было особенно прекрасным: цветущие абрикосы романтично роняли лепестки, туристы топали с рюкзаками от автобусной станции. Весенний праздник – время уличных развлечений. На берегу реки и площадях стучат барабаны, везде продают расписные веера и рисовые пирожки. Женщины качаются на старинных качелях, мужчины устраивают бои ширым. Конечно, все это в основном ради красивых фоток, – портативный вентилятор лучше веера, качаться на качелях-перекладине неудобно, а любителей традиционной борьбы с трудом набирается на единственный андонский ширым-клуб, – но наш город знаменит бережным отношением к традициям, поэтому сюда едут со всей страны.

Днем улочки Йемтео накроет жарища, так что покупка сувенирного веера покажется неплохой идеей, но сейчас, в половине седьмого, воздух был прохладным и вкусным, как газировка. Я отперла свой салон – узенький, похожий на монашескую келью, – и оставила дверь распахнутой. Люблю, когда ветер перебирает деревянные бусины шторы, закрывающей дверной проем. Я быстро переделась в подсобке, включила аромалампу с маслом чайного дерева и вынесла на улицу доску в традиционном стиле, рекламирующую мои услуги.

«Ли Юн Хи, потомственная предсказательница. Анализ бацзы и гадание саджу, определение благоприятных дат, выбор имени. 30 минут – 5000 вон».

Следовать мамину совету и превращать тридцать минут в пятнадцать я не собиралась. Стихии дерева чужды уловки.

Я торжественно села за стол, разложила перед собой телефон с открытым приложением, лунный календарь и папку с материалами. Смотреть, что принесет новый день тебе самой, – как открывать подарок. Прогноз бацзы сказал, что...

Бусины в дверном проеме стукнули громче, и заглянула хозяйка соседней гостиницы. За крупную сумму туристы могли переночевать в ее доме, который застал еще эпоху Чосон. Мы поклонились друг другу.

– Предсказательница Ли, уделите пять минуток? У сына будет первое свидание с новой девушкой, они вместе идут на праздник, а я не знаю, стоит ли потом звонить и спрашивать, как все прошло.

Она впервые обратилась ко мне как к профессионалу, а не как к соседке. Я усадила ее напротив себя и сделала подробные расчеты. В отличие от шарлатанов и болтунов, я всегда перехожу сразу к сути дела.

– Вы – земля инь, так что у вас день с низкой энергией. Для решения личных вопросов дата неблагоприятная.

– Значит, не стоит ему звонить? – огорчилась соседка. – Может, все-таки попробовать? Поищите, вдруг найдется благоприятный час.

«Конечно, позвоните ему, лучшее время для этого – вечер, – сказала бы мама. В детстве я столько раз видела, как она работает, что могла бы ее подменить. – Вы сильная, вы соберете каждую крупицу позитивной энергии дня и направите ее в нужное русло». Но я, в отличие от мамы, не подыгрываю клиентам и не говорю то, что им хочется услышать. Чтение бацзы – наука, а не дешевое успокаивающее средство. Незачем учиться ловить каждый знак от Вселенной, чтобы говорить всем: «Делайте, что хотите». Мама называет это «упрямством двадцатилетней козы», а я – верностью принципам. За цифрами и знаками скрываются непреложные истины, нужно только уметь их видеть. Тогда мы пройдем жизненный путь без потрясений.

– Вас так сильно волнует этот звонок, что вы пришли к предсказателю выяснить, стоит ли сегодня говорить с сыном, – честно сказала я. – Значит, вы не очень близки, а может, поссорились или заранее не одобряете его девушку. День со слабой энергией – не лучший момент, чтобы разрешать такие спорные вопросы. Вы можете сойти с пути добрых намерений и усложнить ваши отношения.

Соседка оскорбленно фыркнула, щеки у нее пошли красными пятнами, – ну, значит, я права. Она поднялась, холодно отвесила поклон и ушла, а я спокойно вернулась к своему бацзы.

Праздник сделал наш уголок деревни шумным и оживленным, клиенты так и шли. Клиентка номер два: девушка из Сеула, спрашивала про совместимость с парнем (сочетались они плохо, и ее разозлило, что я так и сказала). Клиентка три выбирала имя сыну (я подобрала великолепное, несущее удачу имя Хюн Джэ, которое ей, к сожалению, не понравилось). Клиент четыре: пожилой турист с Чеджудо. Он похвалил мою вывеску и отметил, как идет мне бледно-розовый цвет ханбока: «Милая красавица, вы в нем как пион». Красавицей я точно не

была, но комплимент меня растрогал. Внешность в моей работе не главное, и все же приятно понравиться хоть какому-то мужчине, даже если ему восемьдесят два.

– А вы почувствуете себя лучше, если будете чаще носить бежевый и желтый цвета, – сказала я, изучив число его рождения. – Новый такт жизни у вас начнется через год, и в одежде своих цветов вы встретите его на новом уровне энергии.

– Новый такт? Я для этого староват.

– Это не значит, что нельзя начать новое или открыть двери, которые прежде казались закрытыми. Если вы будете идти навстречу тому, что важно для вас, годы – не преграда.

Взгляд старика просветлел.

– Я люблю светлую одежду, но Джан Ми всегда говорит, что она слишком быстро пачкается. Она пошла смотреть сувениры, а я гулял по деревне и набрел на вас. Лет тридцать не бывал у предсказателей. Лапушка, вы как в воду глядите! Так, а что насчет операции, которая мне предстоит?

Следующий клиент заглянул в дверь, когда довольный старик только собирался уходить. Парень дождался окончания нашей беседы, стоя на улице, пропустил старика и вкатил чемодан в салон. Значит, турист. Может, даже из Сеула. Я нервно рассмеялась про себя. Клиент был красавчиком, что всегда плохо сказывается на моей способности провести сеанс.

– Вы предсказываете судьбу? Хочу узнать, как у меня сегодня с удачей, – сказал он без всякого приветствия.

Взгляд у парня был наглый, будто он хотел показать, что не верит в астрологию, и все же он был здесь. Я уткнулась в толстенную брошюру с описанием каждого дня нынешнего года, лишь бы не смотреть на парня в упор, но нотки его парфюма меня все равно отвлекали.

– Где и когда вы родились? – задала я вопрос, с которого начинается каждый сеанс.

Вместо ответа парень сунул мне под нос водительские права. Я вбила дату рождения в приложение, проверила географическую долготу деревни, где он родился, долго изучала лунный календарь и наконец уставилась на результат. И Луна (убывающая), и стихия дня (огонь), и знаки божеств, все говорило об одном: этот день для парня – настоящая энергетическая яма. В такие дни стоит осторожнее ходить вдоль домов, чтобы осколок крыши не убил вас на месте, не есть фрукты с косточками и, конечно, не плавать в море.

Я победила смущение и оглядела парня целиком. На его светлых джинсах были пятна, словно он только что упал в грязь. Вот и доказательство, что умело сделанное предсказание не врет: неудачи уже начались.

– Вам сегодня не везет, – сказала я. – Вы к нам на праздник? Не участвуйте в шуточных боях, не пейте с незнакомцами и держитесь подальше от качелей – они выше, чем кажутся.

Парень кивнул, словно мои слова только подтвердили его подозрения. Я на секунду вообразила, как мы с ним сидим рядом в кинотеатре, и чуть зубами не скрипнула. Как только начинаю засматриваться на какого-нибудь парня, сразу использую первый способ это прекратить: воображаю его голым в какой-нибудь глупой ситуации. Например, играющим в баскетбол или гольф. Первые хрупкие ростки чувств легко вянут от такой насмешки, и зарождающаяся симпатия растворяется без следа.

– Больше у меня нет для вас советов, – прибавила я грубее, чем собиралась. – Об остальных звезды молчат. Оплаты не нужно, это был короткий сеанс.

«Вы же турист? Могу показать вам деревню». Брр! Юн Хи, соберись, а то придется переходить к способу номер два!

– Наслаждайтесь праздником и берегите себя, – сказала я вместо этого. – Отдых поможет восстановить силы и встретить удачу в другой день.

«Только бы он сегодня не умер! – невпопад подумала я. – Вяжется во что-нибудь, и пиши пропало».

– Хотите, покажу вам деревню? – все-таки не выдержала я.

– О нет, – с обидной поспешностью ответил он. – До свидания.

Он положил на стол пять тысяч вон наличными, отвесил легкий поклон и ушел, укатив за собой чемодан. Я легла лбом на стол и закрыла глаза. Может, за кофе сходить, пока никого нет? Взять самый огромный и сладкий, чтобы запить тоску. Деревня, может, и выглядит так, словно тут технологии дальше прялки и телеги не продвинулись, но я знаю местечко, где делают отличный капучино.

Я знала, что главное мамино предсказание спасало мне жизнь, и все же как трудно было ему следовать! Другие ее пророчества обо мне сбывались совершенно точно, значит, сбудется и это: если полюблю до тридцати лет, умру молодой. А если не буду влюбляться, заводить романы, выходить замуж и вообще приближаться к парням еще десять лет, обману судьбу и проживу долгую жизнь.

Вдалеке мерно били барабаны – началось музыкальное представление. И под этот звук, вибрирующий и древний, в салон зашла клиентка, которая превратила мою жизнь в драматическую театральную постановку, вроде представлений о влюбленных, мудрецах и убийцах, которые показывают в Йемтео на фестивалях.

К сожалению, расклад бацзы этого не показал: он обещал мне с десяти до полудня тихое время, благоприятное для развлечений. Наверное, все же стоило сходить за кофе, тогда эта история обошла бы меня стороной.

Бусины на входе снова застучали, и я торопливо выпрямилась, натянув на лицо приветливое выражение. В дверях стояла девушка, очень странно одетая для летнего выходного в туристической деревеньке. Короткая юбка, каблуки, на длинных худых ногах – черные колготки. Помада и тушь размазаны, воротник блузки сбился. Посетительница упиралась ладонями в края дверного проема, будто пыталась зафиксировать свое положение в пространстве и не упасть. Образ офисной работницы, которая выпила лишнего, уместно смотрелся бы поздним вечером в пятницу где-нибудь в центре Сеула, но в деревне, где нет ни одного бара, зато конфуцианских храмов – целых два...

– Драсть, – невнятно произнесла девушка. – Мне нужно... Нужно.

Ко мне трижды заходили пьяные, которыми овладело желание срочно узнать судьбу, и каждый раз это было то еще испытание. Двое так и не заплатили, обидевшись на предсказания, а третий, мужчина в деловом костюме, упал и заснул посреди салона.

– Извините, я принимаю только по записи, – сказала я. Но девушка так и стояла, шатаясь, в дверях, и я сообразила: – А, вам нужно в туалет?

Впускать ее не хотелось, но бросать в беде даже такую гуляку вредно для судьбы. Что у нее за ночка была, если она только сейчас, к десяти утра, пришла в себя! Я поднялась и открыла ей дверь в подсобку, но девушка, заплетаясь ногами на нелепо высоких каблуках, прошла к стулу для клиентов и упала на него.

– Гадайте.

– Хотите воды?

Она мотнула головой и коснулась стопки лежащих передо мной рукописных предсказаний. Потому что я-то, в отличие от андонской тетушки, гадаю не только через приложение в телефоне.

– Красивый, – пробормотала девушка, поглаживая бумагу. – Подходим?

– Вы хотите рассчитать совместимость с парнем? – догадалась я. – Знаете его дату рождения?

Она помотала головой. Хм, надо же!

– Тогда разрешите сделать предсказание лично для вас, – сказала я в надежде, что девушка немного протрезвеет, пока будет слушать, и после уйдет без скандала. – Где и когда вы родились?

Выслушав ответ, я сделала расчеты, молясь про себя, чтобы ее не стошнило на мой стол. Девушка таращилась в стену, погрузившись в себя.

– Вам повезет в любви, – твердо сказала я, ибо это была чистая правда. – Вас ждут две сильные любовные связи. Не могу сказать, когда и с кем, но присмотритесь к Тиграм и Змеям.

Девушка растерянно, немного пьяно улыбнулась. Впрочем, пахло от нее духами, а не алкоголем. Может, она под какими-то препаратами? Дыхание быстрое, тяжелое, речь невнятная. Из тех, кто приходил ко мне сегодня, ее бацзы выглядело самым многообещающим. Про таких говорят «родился под счастливой звездой», и тем обиднее было, что ее образ жизни, похоже, не соответствовал этим прекрасным возможностям. Да ближайший бар на другом берегу Нактонгана – она что, на таких каблуках через мост перешла?

– Постарайтесь сохранить здоровье, чтобы встретить любовную удачу во всеоружии, – вздохнула я. – В ближайшие пару лет вас ждет много событий, насыщенная жизнь. Я точно вижу крупный финансовый успех. Относитесь к себе бережнее, ладно?

– Он красивый, – выдохнула девушка, будто и не слышала меня. – Что мне де...

И тут она сползла со стула и рухнула на пол. Я охнула и подскочила к ней. Когда кто-то вот так пугающе падает, в медицинских сериалах сразу звонят «112», что я и сделала.

– Такой красивый... – одеревеневшими губами бормотала девушка, будто и не заметила, что лежит на полу.

– У вас замечательное будущее, держитесь. – Я отчаянно пыталась поймать ее взгляд. – Врач сейчас приедет, вас вылечат и...

Громко стукнули бусины, и в салон влетели двое полицейских в форменных жилетах. Я ошарашенно уставилась на них. В службу спасения я позвонила пару минут назад, но зачем они прислали полицию, если я просто сказала, что девушке плохо? И как полиция так быстро добралась?

Одному полицейскому было лет тридцать, и он выглядел как социальная антиреклама «Какими становятся некогда симпатичные парни за годы службы в полиции» – растрепанный, небритый. Полицейский окинул тревожным, внимательным взглядом меня, потом девушку на полу, потом снова меня, сидевшую рядом, словно не мог взять в толк, что происходит.

Второй полицейский был мой ровесник, очень милый, с модной стрижкой. Такого парня хочется взять за руку, погладить по щеке, прижаться носом к его воротнику. Вот бы скорая приехала побыстрее и забрала девушку! Полиция будет романтично сопровождать ее, а я – с ними, как свидетель происшествия. В машине скорой помощи этот симпатяга глянет на меня и не сможет отвести взгляда, а я... Я беспомощно выдохнула. Соберись, Юн Хи, тут человеку плохо!

Позорная игра воображения заняла всего пару секунд, но когда я снова опустила взгляд на девушку, ее глаза уже были закрыты.

– Быстрее, – пролепетала я, разом вернувшись с небес на землю. – Помогите. Я... Я не знаю, что...

Старший офицер так и стоял в дверях, удивленно обозревая происходящее, – да что он, тоже пьяный, что ли? – а младший уже упал на колени рядом с девушкой, чуть задев меня плечом.

– Она не дышит, – выдохнул он, прижав пальцы к ее шее.

Что? Ну нет. Нет-нет, такого в моем салоне случиться не могло.

– Да просто сознание потеряла, она не... – заикаясь, промямлила я, и тут горячие руки взяли меня за плечи и с неожиданной силой поставили на ноги.

Плохо выбритое лицо старшего офицера оказалось прямо передо мной. Он вглядывался в меня, хотя в данной ситуации должен был интересоваться не мной. От его взгляда мне стало не по себе.

– Вы предсказательница? – спросил он, и этим немного снизил пафос момента.

Он точно пьян на работе, если не увидел красивое объявление «Предсказательница Ли» над дверью. И при чем тут моя профессия, когда там человек... Я заторможенно повернула голову к девушке – младший склонился над ней, видимо делая массаж сердца.

– Ей уже не помочь, – тихо сказал старший офицер. – Не смотрите.

Меня и так била дрожь, а тут еще хуже стало. С того дня, как мама сделала мне предсказание, я знала – любовь может убить, но сейчас жизнь словно решила наглядно показать, что могло бы со мной случиться, если бы я не шла верным путем, огибая любовные опасности. Хотелось заорать в голос, потому что эта девушка... Она пришла погадать на совместимость с каким-то парнем и... Она правда умерла? Не могла она умереть, ее точно спасут. Я ведь все предсказала верно, у нее такое хорошее будущее, оно не может просто исчезнуть, я не могла так ошибиться! Мир крутанулся у меня перед глазами с такой силой, что я сразу поняла – в следующую секунду я встречу головой с полом.

Но не встретила. Внешность у старшего офицера была так себе, а прикосновение – приятное. Он бережно опустил меня на пол, поддерживая голову. Я видела, как движутся его губы, но ни слова не могла разобрать. В салон наконец влетели санитары в оранжевых куртках, окружили девушку, начали спорить о чем-то с юным симпатягой, но старший офицер не дал мне досмотреть, мягко повернув мою голову к себе.

– Вам есть кому позвонить? – наконец различила я его слова и слабо кивнула.

Хотела сказать, что со мной все в порядке, но не смогла. Он убрал с моего лица пряди, которые липли к губам, и я выдохнула, растроганная тем, что обо мне беспокоится кто-то незнакомый. Я была кругом виновата, какая из меня предсказательница, если я не поняла, что с девушкой такое случится, но офицер смотрел невесело и мягко, будто ему жаль меня. Справа мелькала оранжевая униформа скорой помощи, а он так и сидел, склонившись надо мной.

Она правда умерла: я поняла это по печальному гулу голосов, по торжественной серьезности и напряженным плечам двух санитаров, по тому, как они перестали куда-либо торопиться.

Только бы не потерять сознание. Мне казалось, если закрою глаза – умру, как она, и мы будем лежать здесь, пока нас не унесут и не закопают в землю. Мысли проплывали в голове, тяжелые и неповоротливые, как придонные рыбы.

Я много думала о смерти с тех пор, как мама прочла мою судьбу. Держалась от парней подальше, чтобы ненароком не влюбиться и не умереть, и теперь сквозь обморочное марево вдруг пробилось понимание: меня впервые в жизни вот так касается мужчина. Я выбирала врачей-женщин, избегала прямых взглядов на мужчин-клиентов, а теперь чувствовала вес мужской руки на своем плече, ненавязчивой, теплой, словно офицер просил лежать спокойно, но не требовал этого и не стал бы удерживать, если бы я встала.

Бейдж на синей ленте со штампом полиции качался передо мной, как маятник гипнотизера. Я подняла тяжелую руку и схватилась за пластик, чтобы не отключиться.

– «Инспектор Чан Чон Мин», – еле ворочая языком, пробормотала я, поднося бейдж ближе к глазам. – В... ваши родители... не ходили к астрологу, чтобы подобрать имя.

Он усмехнулся. Улыбка была теплой, как и прикосновение.

– С чего вы решили? – спросил он без малейшей обиды.

Наверное, говорит со мной, чтобы я не отключилась. Я постаралась сглотнуть, но во рту все пересохло.

– Первое имя выбирают, чтобы оно с фамилией рас... расходилось, – заплетающимся языком изрекла я. – С фамилией Чан никто... не назовет ребенка... Чон, это... притягивает... злых духов.

Туман у меня перед глазами отступал, рассеивался. Офицер, у которого появилось имя, вдруг коротко коснулся моей головы. Сказал кому-то вне поля моего зрения: «Гиль, отгони

зевак. Скорая весь переулок загородила, сразу ясно, что тут происшествие». Санитары ушли, вернулись с носилками, снова ушли.

– Держитесь, предсказательница Ли, – сказал инспектор Чан и убрал руки.

Я потянулась следом, всем телом стремясь к прикосновению, но место инспектора уже занял санитар. Посветил фонариком мне в глаза, помог сесть. Девушки больше не было. Ее унесли.

– Позвоните семье, пока мы здесь.

Санитар помог мне найти телефон, и я позвонила отцу.

Не помню, что мычала в ответ на его вопросы. Отец испуганно переспрашивал, потом санитар вытянул телефон у меня из рук и объяснил: «Ваша дочь стала свидетелем смерти человека, пожалуйста, приезжайте за ней».

Отцу недолго до меня добираться, он сегодня выступает на фестивале. Раз ответил, значит, их ансамбль еще не вышел на сцену. Я представила, как отец убирает лютню-ханпипху обратно в футляр и как есть, в ханбоке и традиционной шляпе кат, бежит ко мне. До его появления минут десять, не больше.

– Ну вот, все будет в порядке, – сказал инспектор и поднялся. – Чаю хотите?

Я слабо улыбнулась, подумав, что полиции в Йемтео часто приходится работать с туристами. Этот тон был предназначен для потерявшихся на экскурсии детей, стариков, пьяной молодежи, которая ухитряется пронести алкоголь даже на территорию конфуцианского монастыря, и женщин на грани обморока.

Не дожидаясь ответа, инспектор Чан пошел в подсобку, включил там электрический чайник и начал греметь посудой. Я сидела на полу, прислонившись к стене. В воздухе все еще чувствовался запах духов девушки, и от этого тошнота далеко не уходила, поэтому я старалась смотреть на молодого офицера по имени Гиль. Он стоял в дверном проеме, разведя нитки с бусинами, и общался с кем-то снаружи.

– Хм, – раздался голос инспектора. – У вас тут есть сосновые иголки, розовые бутоны и какой-то химический лимонный чай в гранулах. Я такой не люблю.

Как будто и себе собрался приготовить!

А он действительно вышел с двумя кружками.

– Сосновый чай – древний напиток благоденствия, – философски изрек инспектор, заглянув в кружки, и сел рядом со мной на пол. – Не думал, что его еще кто-то пьет. На вид – сплошная вода, да и на вкус тоже. Люблю улун, но у вас его нет. Матча, когда он настоящий, тоже неплох.

Он вложил мне в руки теплую кружку, а из второй отпил сам. Вел себя так запросто, будто нет ничего более естественного, чем выпить чайку после того, как санитары унесли тело. Я сделала глоток. Зря он ругал чай – приятный хвойный вкус. Я сосредоточилась и глотнула еще, щекой чувствуя его взгляд.

– Что с ней случилось? – спросила я, когда обморок немного отступил.

– Выглядит как инфаркт. В остальном врачи разберутся – может, приняла что-нибудь. – Он поймал мой взгляд и криво улыбнулся: – Не волнуйтесь, никакие убийцы тут не бродят. Пейте чай, хотя он, конечно, так себе. Сосна, с которой собрали эти иголки, была очень старой.

В салоне царил уютная тишина, гул голосов стих. Гиль примостился за моим столом и печатал на планшете – видимо, какой-то отчет заполнял. Если не хочу умереть, как эта девушка, и стать буквами в отчете полиции, надо продержаться без любви каких-то десять лет. Интересно, что Вселенная подразумевает под любовью? Если я легонько кем-нибудь увлекусь, это считается?

Мама точно сказала бы: «Конечно считается».

Сухо стукнули бусины шторы, и зашел мой отец. Инспектор медленно перевел взгляд с отца на меня и обратно. Такое же удивленное лицо у него было, когда он только зашел в мой

салон. Забавно, что, работая в Йемтео, одном из самых туристических мест города, он все еще удивляется, видя людей в национальной одежде. Но, может, это и правда странно выглядит: я сижу тут в ханбоке и с традиционной заколкой, приходит мой отец – тоже в ханбоке и традиционной широкополой шляпе.

– Вы что, во времени путешествуете? – спросил инспектор, подтвердив мою догадку, и глянул на меня. – Если сейчас придет ваша мать, одетая как придворная дама эпохи Чосон, я не удивлюсь.

Он с кряхтением поднялся, оставив свою кружку на полу, и неспешно подошел к моему отцу. Коротко поклонился ему. Отец кланяться в ответ не стал – так был растерян. Ну еще бы, до сих пор его дочь ни разу не ввязывалась в истории с приездом полиции.

Инспектор Чан Чон Мин коротко глянул на меня и пошел к двери, сделав симпатяге Гилю знак следовать за ним.

– По... подождите! – слабо позвала я. – Спасибо.

– Совершенно не за что, – сказал инспектор и вышел, звякнув бусинами дверной шторы.

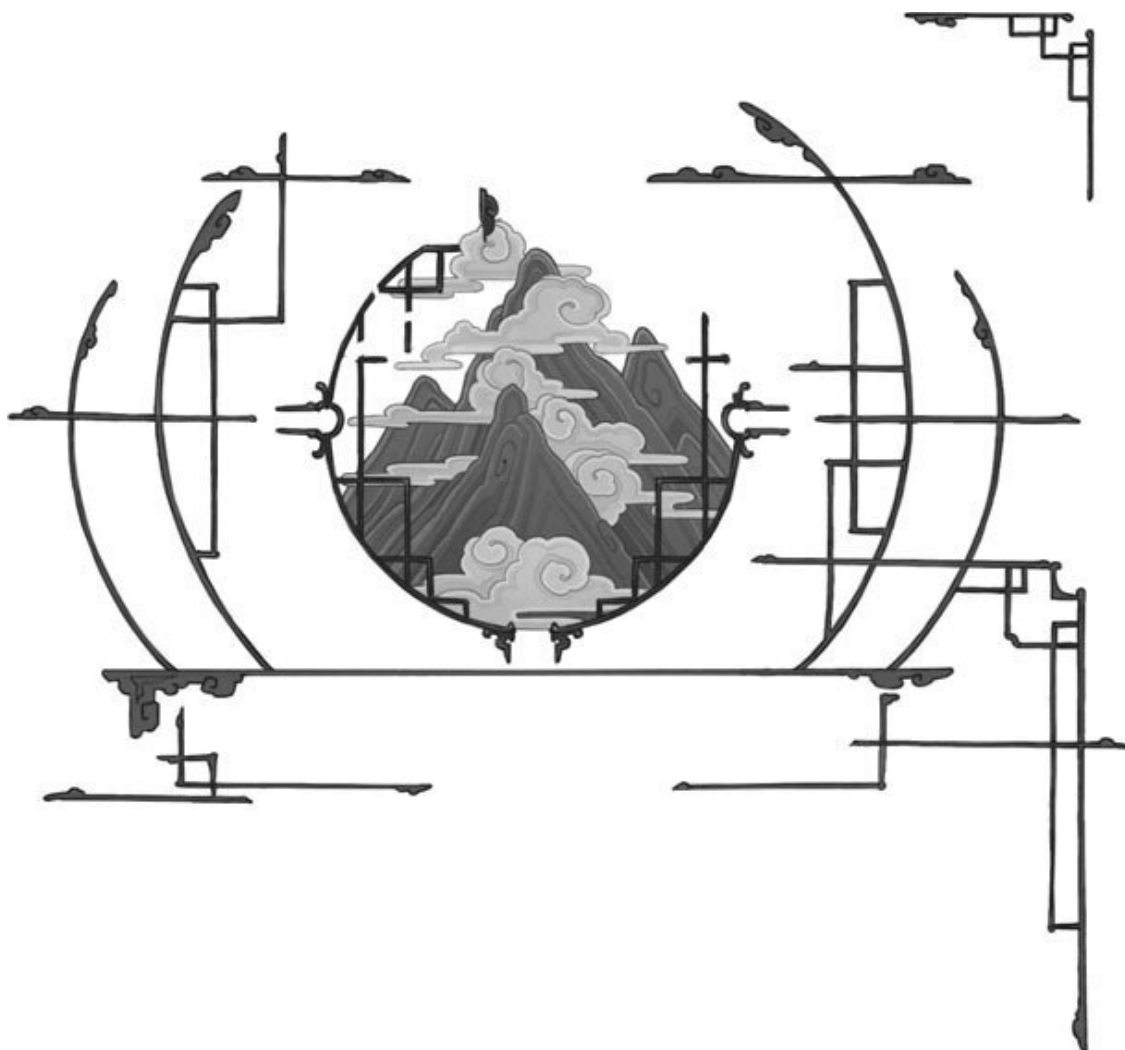
Ничего более дерзкого и странного я не делала в жизни – такое только пережитым стрессом можно объяснить. Но я воспользовалась замешательством своего доброго отца, взяла с пола кружку инспектора и допила из нее чай, лихорадочно пытаюсь представить инспектора голым на футбольном поле, чтобы изгладить из памяти волнующие минуты, когда он был здесь.

В этот раз подействовало хуже, чем обычно. Впрочем, этот прием пару раз уже давал сбой: мысль о некоторых парнях без одежды была не настолько ужасной, чтобы к ним охладеть. Пора было переходить к способу номер два.

Глава 2

Земные ветви

Йемтео – прекраснейшее место в мире, но выбраться из него, когда тебе очень плохо, задача трудная. Проезд транспорта на территорию деревни разрешен только ночью, чтобы фургончики могли доставить нужные товары в кафе и гостиницы, а в остальное время, чтобы не разрушать антураж, по улочкам передвигаются только представители местного бизнеса: возницы на телегах, которые сегодня из-за фестиваля были переполнены пассажирами. Нам с папой пришлось четверть часа брести по жарнице к парковке. Ему то и дело названивали возмущенные его побегом товарищи по ансамблю, а он смиренно оправдывался, кланяясь, хотя по телефону они не могли этого видеть.

– Пап, – сказала я, когда он закончил кланяться и вытер взмокшую шею. – Я люблю тебя. Извини за концерт. Возвращайся, я найду кого-нибудь, кто меня подвезет.

– И я тебя люблю, Юн, и сам отвезу, – сказал папа с видом человека, который жутко испуган за своего единственного ребенка.

Я его обняла.

* * *

Час спустя мы с родителями подавленно сидели за столом, где так весело завтракали утром.

– Хорошо, что ты не стала снимать квартиру и можешь приехать домой после такого кошмара! – причитала мама, которая после папиного звонка бросила клиентов и тоже вернулась, чтобы послушать мою историю.

Я ворошила палочками вок, и сердце ныло от любви к родителям – единственным людям, которых мне разрешено любить. Жаль, конечно, что им пришлось вот так сорваться с работы в день фестиваля, я все же не ребенок, но как приятно!

– Со мной все в порядке, – бодро сказала я, хотя до сих пор покрывалась липким потом при мысли о мертвой девушке. – Мама, как думаешь, она чем-то болела? Может, найти ее семью? Я изучу ее бацзы подробнее и расскажу им, что...

– Юн Хи, не трави себе душу. Ее жизнь окончена, твои предсказания ничем не помогут. Умереть сегодня было ее судьбой.

– Эту судьбу можно увидеть заранее? – спросила я, отчаянно надеясь на ответ.

– Давайте поедим, – сурово сказала мама и накрутила лапшу на палочки.

А я так и не смогла проглотить ни куска. Вок я всегда ем одинаковый, из гречневой лапши с курицей и побегами бамбука, но сегодня даже он не радовал. А вдруг, если бы я вызвала скорую сразу, как только она появилась в дверях, она бы не... Надо просто лечь спать, прямо сейчас, в три часа дня, и проспять до завтра. Но сначала...

Оставшись одна, я легла на спину, закрыла глаза и прибегла к средству номер два – последнему, на случай, если попытка представить парня голым и глупым не поможет сразу о нем забыть. Внимательный взгляд непроницаемо-темных глаз инспектора, его длинные острые пальцы нет-нет да и мелькали в моих воспоминаниях, и, чтобы не дать мыслям о нем укорениться, я стала во всех подробностях представлять, как умираю, как не могу больше дышать, как разлагается мое тело и постепенно смешивается с землей.

В двенадцать лет, когда мама предрекла мне смерть от любви, я со страху пересмотрела в интернете кучу видео о том, что происходит с телом после смерти, – чтобы знать, что со мной потом случится. И когда мне впервые сильно понравился мальчик, я решила, что буду подробно представлять свою смерть каждый раз, как подумаю о нем. Это оказалось так ужасно, что очень скоро я полностью отказалась от фантазий о Паке Мин Хо из параллельного класса. С тех пор этот способ много раз помогал мне не влюбиться. Вот и сейчас я соскользнула в сон, а когда проснулась, мысли о короткой встрече в салоне немного притихли.

На работу я не пошла – весь день сидела в кровати, ела соленые закуски, роняя на пол упаковки от них, и бесконечно изучала бацзы мертвой девушки. Полностью выбросить из головы вчерашнее все равно не получалось, а мысли о ней хотя бы позволяли не думать об инсп... о том человеке, имя которого я уже почти забыла.

Мне было жаль девушку, а еще жаль себя, – словно ее смерть была мне предостережением. Долгие годы я видела знаки судьбы во всем, так что случившееся не казалось стечением обстоятельств: был глубокий смысл в том, что из всех дверей в Йемтео девушка, имени которой я не узнала, перед смертью выбрала мою. Я даже в ленту местных новостей пару раз заглянула: вдруг всплывет что-то о ней? Хотя имя узнаю. Заодно я, кляня себя за слабость, искала что-нибудь об инспекторе Чан Чон Мине (ладно, я помню его имя, но это ведь ничего не значит). Безуспешно. Соцсетей он не вел или скрывал их, а списки сотрудников полиции мне в Нейвере не попались, поэтому всю свою беспокойную жажду деятельности я направила на девушку. Случившееся с ней, помимо прочего, еще и задело мою профессиональную гордость.

На что годится наше ремесло, если не может предречь подобные события даже за пять минут до того, как они произойдут?

– Юн, завтра идешь работать, – сказала мама. – Салон не должен простаивать. Знаешь, сколько там стоит аренда?

– Мама, ты делала прогнозы людям, которые вскоре после этого умерли? Это было видно в их бацзы?

– Не зацикливайся. Гороскоп дает советы, как лучше построить свою жизнь, но не поможет избежать смерти. Она непредсказуема.

– Тогда как ты предсказала мне судьбу?

– Это другое.

Губы у мамы сжались, как от боли, и я решила не давить. Она много раз говорила, что расскажет, когда я наберусь мастерства и смогу ее понять, но час пока не пробил.

На следующий день стало ясно, что изучение финансовой и семейной сфер жизни мертвой девушки, а также приоритетных для нее фэншуй-направлений ничего не даст, и я, горестно развалившись среди подушек, включила телик. Даже бацзы на день себе не составляла. А что оно мне скажет? «С полудня до двух – самое благоприятное время, чтобы смотреть драмы про копов?»

Но мама была права: постепенно отступали и тоска от увиденной смерти, и память о красивом появлении темноглазого мужчины в униформе. Конечно, рано или поздно я снова открыла бы салон, и жизнь вернулась бы в прежнее русло. Но я продолжала заходить на сайт городских новостей, и через пару дней после трагедии там появилась заметка, от которой сердце бешено заколотилось.

«Печальное событие в нашем городе. Ким Ха Юн, студентка двадцати пяти лет, умерла по неустановленным причинам в этнографической деревне Йемтео. Причина смерти: предположительно порок сердца».

Рядом с заметкой – фотография, сделанная на чей-то телефон. На фото была толпа туристов и знакомый пейзаж: подножие лестницы, ведущей к храму. Туристы, сбившись группой, испуганно смотрели на что-то за границей кадра: видимо, там лежало тело девушки. Фотографировать мертвых – плохая примета, дух покойного может проникнуть в изображение и там остаться, поэтому информации от фотки, сделанной кем-то из туристов, было мало. И все же кое-что я заметила. На древних, знакомых мне с детства каменных плитах лежала сумочка. Я уставилась в телефон, едва не утыкаясь в него носом. Сумка блестела на солнце – значит, она из ткани, усыпанной стразами.

А теперь вопрос: кто возьмет с собой сумку со стразами куда-нибудь, кроме клуба или вечеринки? Да, меня иконой стиля не назовешь, половину времени я провожу в ханбоке, а вторую половину – в пижаме или джинсах с футболкой, но даже мне ясно, что никто не ходит осматривать конфуцианские храмы, осыпавшись стразами. Я уронила телефон на колени. Еще одна девушка, одетая для вечеринки, упала замертво в паре километров от моего салона.

Чтобы вы поняли: Андон – большой город, и преступности там не меньше, чем везде, но я в жизни не слышала, чтобы в этнографической деревне произошло что-то серьезнее мелкой кражи. На эту заметку, конечно, тоже вряд ли особое внимание обратили – мало ли где человека может настигнуть болезнь! Ее и опубликовали-то небось только для того, чтобы не распространялись слухи о смерти девушки посреди Йемтео и чтобы не сорвался туристический сезон. Официальное заявление всегда лучше сплетен. И все же...

Я обхватила себя поперек живота, пытаюсь унять бьющийся во всем теле пульс. Вспомнила нависшее надо мной встревоженное лицо инспектора. Как представитель общественности, я имею право выяснить, что творится в родном городе. Это совершенно естественное желание. Просто узнаю, что случилось с девушками, у единственного знакомого мне полицейского. Уверена, что в естественной среде обитания инспектор Чан воображение не поразит: в тот раз

я подпала под обаяние ситуации, так что увидеть его снова будет полезно для моего душевного спокойствия – даже еще лучше, чем просто о нем забыть! Откинув одеяло, я бросилась к двери, но повернула назад, вспомнив, что все еще в пижаме. Может, надеть ханбок? На работе предсказатели почти всегда в традиционной одежде, это подчеркивает наш особый статус. Нет, сейчас это будет слишком вычурно, я ведь выступаю как частное лицо. Джинсы и футболка! Я оделась, завязала волосы в хвост и вылетела на улицу.

Размеры управления полиции округа Северный Кёнсан, адрес которого подсказала мне карта, впечатляли. Логично, конечно: в округе почти три миллиона человек, да еще не меньше миллиона туристов в год приезжает. И все же я представляла скорее двухэтажный домик с казенной мебелью, чем башню со стеклянными стенами, турникетом на входе и собственным кофейным киоском.

Я подошла к женщине, сидевшей за стойкой перед поразительно современным компьютером.

– Здравствуйте. Я Ли Юн Хи. В моем салоне три дня назад умерла девушка, упала прямо как та, что... ну... Та, что умерла у подножия храма.

Эх, надо было подготовиться лучше. Женщина равнодушно посмотрела на меня и ни о чем не спросила.

– На выезд приезжал инспектор Чан Чон Мин, и он пообещал держать меня в курсе. – Ложь, ложь, вредная для древесных знаков, ну да ладно. – Где я могу его найти?

– Таких сведений мы не предоставляем. Всего доброго.

По ее лицу я сразу поняла, что она его не знает, и на секунду мне представилось ужасное: никакого инспектора не существует. Он и его помощник привиделись мне в обморочном бреду. Недаром же полиция, которую я вообще не вызывала, явилась ко мне в облике двух мужчин. Один – молодой красавец, на каких я вечно заглядываюсь, а второй – невзрачный, но с ласковыми теплыми руками. Вселенная подумала, что я умираю, сжалась надо мной и послала волшебное видение.

Я сбежала из управления, но не сдалась. В Йемтео полицейских участков не было, поэтому я нашла на карте все участки Андона и решила начать с того, который ближе всего к деревне: если те копы существуют, как-то же они ухитрились добраться до меня так быстро!

Ближайший участок оказался в пяти минутах езды от салона, в райончике Ёнсан-дон около шоссе. Домам тут было лет по двадцать – мои ровесники, – и в них располагалось все, чего людям не хватало в исторической части города: автомастерская, салон красоты, кинотеатр, большая парковка и даже магазин рыболовных товаров. И вот там, между школой иностранных языков и студией йоги, спрятался полицейский участок Андон-Юг. Он куда больше походил на полицейские участки в моем представлении, чем хай-тек здание управления. Двухэтажный дом, похожий на обувную коробку, вокруг много зелени, словно кто-то пытался смягчить впечатление от унылой архитектуры. Перед входом росла сосна, рядом сладко пахла медом форзиция, усыпанная сотнями желтых цветов.

Улочка была тихой, и утопающий в зелени участок терялся на ней, словно намекал горожанам совершать поменьше нарушений, чтобы не тревожить его покой. О том, что это полиция, напоминал только флаг и две припаркованные у входа патрульные машины.

Судя по близости к этнографической деревне, на вести о смерти второй девушки должны были выехать отсюда, но на бурную деятельность тут ничто не намекало.

Зайдя внутрь, я оказалась в просторном помещении с унылой мебелью. Никаких кофейных аппаратов и турникетов, стены увешаны плакатами, объясняющими, как правильно сортировать мусор и куда звонить при аварии. За столами сидели несколько полицейских, у стойки с компьютером двое туристов в козырьках от солнца рассказывали, где именно они потеряли фотоаппарат. Красивая девушка в полицейской униформе кивала и фиксировала их жалобу на очень старом компьютере. Этот участок выглядел полной противоположностью центральному:

там все было энергично и деловито, а здесь сразу создавалось ощущение дремоты и расхлябанности. Я дождалась, когда туристы уйдут, и приблизилась, чтобы спросить про офицера Чана, заранее готовая к словам, что о нем тут впервые слышат.

За моей спиной открылась дверь, и послышалось приятное позвякивание льда в стакане с холодным напитком. Я обернулась – и замерла. Инспектор Чан Чон Мин собственной персоной. Он стоял в дверях с гигантским стаканом холодного кофе и смотрел на меня совсем не так, как мне бы хотелось.

Мои тайные мечты: «О, я вас помню! Как вы себя чувствуете, уже оправились от переедательного стресса? Тут неподалеку кофейня, а день жаркий, хотите айс-латте?»

Реальность:

– Опять вы? – спросил инспектор так, будто сюрприза хуже жизнь ему еще не преподносила.

Краска бросилась мне в лицо. Лучше бы он оказался галлюцинацией! Чан Чон Мин смотрел на меня так, будто считал, что это я ему тогда привиделась и больше не побеспокою. Спутанные черные волосы падали на глаза, щетина на одной стороне лица была сбрита короче, чем на другой, лоб – влажный от пота. Тот еще подарочек! И человек, который так выглядит, имеет наглость грубить хорошо одетой девушке, которая пришла поблагодарить его за доброту? Ну или узнать, как идет расследование. Я сама точно не знала, зачем пришла.

– Я... Я хотела... – забормотала я.

Потом вспомнила, кто я. Моя мать – знаменитая предсказательница, которая регулярно выступает по телевидению и в интернет-шоу. Семья моего отца живет в Андоне много поколений. У меня – собственный астрологический салон, и всю юность я выдерживала тяжелый удар судьбы: избегала малейшего сближения с парнями. Я – звезда, я – героиня и даже не подумаю расстраиваться из-за потрепанного копа, которого все равно никогда больше не увижу.

– Добрый день, инспектор Чан, – проговорила я, надеясь, что голос мой холоден, как лед в его стакане. – Я пришла узнать, что выяснилось о причинах смерти девушки в моем салоне. Прочитала о точно таком же происшествии в Йемтео и разумно обеспокоена.

– Остановка сердца вследствие инфаркта. – Он глотнул кофе через трубочку. – У вас всё?

Он сейчас ничем не напоминал того заботливого человека – может, он такой, только если кто-то теряет сознание?

– Две одетые для похода в бар девушки упали и умерли от инфаркта с разницей в пару дней? – спросила я, просто чтобы побыть тут еще хоть минуту.

– Откуда вы знаете, как была одета умершая студентка? – неожиданно цепко посмотрела на меня девушка в униформе. – Журналистам запретили съемку.

– На фото туриста попала ее сумочка. Никто не носит такие с повседневной одеждой.

– Я говорила, что эти случаи похожи, инспектор, – страстно произнесла девушка, уставившись на Чана Чон Мина. – Видите, даже люди замечают! Может, все-таки пора добиться открытия дела?

Инспектор обогнул нас обеих и поставил пластиковый стакан на стойку с компьютером. Лед громко звякнул.

– Объясню, как устроена работа полиции. – Он хмуро глянул на сотрудницу, которая неожиданно меня поддержала. – Не думал, что и вам это нужно, Чхве Ми Рэ, но давайте освежим память. Врачи скорой помощи в обоих случаях не нашли следов насильственной смерти. Патологоанатом больницы, куда поступили тела, произвел вскрытие, чтобы сообщить семье точную причину смерти, и отправил отчет полиции.

Он вытащил телефон и демонстративно полистал там что-то. Я, конечно, слушала, но в основном думала о том, как человека меняет настроение. Сегодня инспектор был определенно на что-то зол, и от этого, на мое счастье, хоть немного утратил обаяние.

– Случай первый: остановка сердца. Мисс Ким Ха Юн мы обнаружили вчера вечером, вскрытие прошло сегодня утром, причина смерти – также внезапная остановка сердца. Я смотрю в отчет, там ничего подозрительного. Если бы в крови покойных нашли какое-то вещество, дело забрал бы региональный отдел по борьбе с наркотиками. В крови первой было умеренное количество алкоголя, вторая – чистая. Если бы нашли следы насилия, дело забрал бы отдел особо тяжких преступлений округа Северный Кёнсан. Хоть что-то из этого произошло? Нет. – Инспектор отвернулся от пристыженной коллеги и посмотрел на меня. – Мы простой районный участок, понимаете? Отвечаем за Йемтео и Юг Андона. Ищем пропавшие сумки туристов, разбираем драки, патрулируем улицы, осматриваем места преступлений, чтобы передать дело дальше, если надо. Но тут никакого дела нет.

«Он не зол, он волнуется», – внезапно поняла я. Его горячая отповедь звучала как попытка утихомирить собственную тревогу. Интересно, почему? Может, он все же беспокоится, что с девушками не все так просто? А может, переживает, что он такая мелкая сошка и ему никогда не удастся поработать над серьезным преступлением. Я уже предчувствовала громкое «нет» в ответ на следующий вопрос, но все равно спросила:

– А можете сказать мне дату рождения девушки, которая умерла около храма?

– Seriously думаете, что я отвечу?

Был таким милым в прошлый раз и такой противный – в этот! На столе стоял фикус, который привлекал внимание в основном тем, что еще не сдох: ствол высокий и вытянутый, листья только на макушке, будто в какой-то момент несчастное растение полностью сбросило листья, а потом одумалось и решило выжить.

– Зачем вам ее дата рождения? – с любопытством спросила девушка.

Инспектор Чан тут же вмешался:

– Не говори ей никаких дат, Чхве Ми Рэ! Я запрещаю. Она – астролог.

Так презрительно это сказал, будто вовсе не он заваривал мне сосновый чай, помогал сесть и отводил волосы от лица. Может, это вообще был не он, а его добрый брат-близнец? Стало обидно до слез: примчалась сюда, как дура, а он так себя ведет. Ну и прекрасно, тем легче его забыть.

– Я буду читать новости, – произнесла я стервозным тоном, чтобы скрыть огорчение. – И если кто-нибудь еще умрет, приду снова.

– Ждем с нетерпением, – кисло ответил инспектор и уткнулся в какую-то папку.

Я бы не удивилась, если б оказалось, что он держит ее вверх ногами и изображает бурную деятельность только чтобы меня спровадить. Я повернулась, чтобы уйти, но тут одна из дверей в дальней части зала распахнулась и оттуда, нагруженный папками, вышел симпатяга Гиль. Я невольно улыбнулась. Вот уж кто регулярно ходит в барбершоп! Униформа на нем была казенная, как у всех здесь, – темно-зеленая рубашка, галстук, куртка с нашивками, – но я была уверена, что в свободное время он, в отличие от своего старшего офицера, одевается стильно.

– Предсказательница Ли! – обрадовался Гиль. Мне польстило, что он узнал меня и даже имя вспомнил. – Рад видеть вас в добром здравии.

Я нарочно глянула на инспектора Чана. Тот сверлил помощника свирепым взглядом – видимо, не мог пережить, что так успешно меня выставил, а Гиль все портит. Это больно резануло по сердцу: чем я так его разозлила?

Гиль сгрузил папки инспектору на стол и пошел мне навстречу.

– Сержант Пак, – утомленно позвал инспектор. – Вернитесь на свое место.

Пак Гиль не послушал, мало того, жестом пригласил меня выйти на парковку. У меня все нервные окончания словно огнем загорелись. Только что готовилась уйти поверженная, и вдруг...

– Извините его, инспектор – грубый человек, – сказал Гиль, когда мы оказались на залитой солнцем парковке. Ха! Грубый! А кто был таким милым в прошлый раз? – Вы, наверное, хотели узнать, что мы выяснили про смерть Пак Со Ён.

Так у тусовщицы, которая умерла в моем салоне, появилось имя. Через стеклянную дверь я краем глаза увидела, что инспектор уже движется к нам. Видимо, боялся, что помощник сообщит мне лишнее.

– Прошу, скажите мне дату рождения студентки, которая умерла около храма, – попросила я, не надеясь на успех.

– Третье мая две тысячи девятого, – ответил Гиль. – Родилась здесь, в Андоне, время не знаю.

Я ошарашенно уставилась на него. Он точно понял, для чего это мне: чтобы рассчитать бацзы человека, нужны дата, время и место рождения.

– Мне жаль, что вам пришлось увидеть ту смерть, поэтому решил вам помочь. Но теперь уходите.

За нами распахнулась дверь, и я отпрянула, чтобы не подставить Гиля.

– Пошли, – отрезал инспектор Чан. Дождался, пока Гиль поравняется с ним, и понизил голос: – Что ты ей сказал?

– Ничего.

Я поклонилась обоим и пошла прочь, отчего-то взволнованная до мурашек. Когда я решила оглянуться, дверь в участок уже закрылась.

Мозгу, который склонен на чем-нибудь заикливаться, только дай повод. Три дня назад я старалась забыть доброту инспектора, а теперь пыталась забыть его грубость. Меня будто встряхнули, как тот европейский сувенир – стеклянный шар со снегом, – и все во мне взболталось и пока не осело. Голым я его больше не представляла – много чести! – но и себя представлять мертвой расхотелось. В конце концов, это последнее средство, и я сейчас не в опасной близости от увлечения красивым парнем, а в гражданском возмущении от поведения мужчины, которого точно не взяли бы сниматься в кино или рекламировать джинсы. Так что ночь прошла спокойно – от обиды я проспала часов десять.

– Юн Хи, хватит в облаках витать! Или ты выходишь на работу, или я отменю аренду салона, – сказала мама за завтраком. – Я сделала тебе расклад: день удачный для бизнеса, особенно до полудня. Вечер надо провести спокойно, чтобы энергия дня не иссякла, так что ладно уж, можешь валяться и смотреть телик, как ты любишь.

– Можно подумать, ты не любишь, – буркнула я. – Сегодня же вторник, будет пятая серия «Тайн семьи Ён», а потом какая-то премьера.

– Телепрограмму она помнит, а то, что пора бы на работу, – нет, – проворчала мама, обращаясь к отцу, но он тоже витал в облаках и не ответил.

Я представила, как снова захожу туда, где лежала мертвая тусовщица Пак Со Ён, вспомнила ее остановившийся взгляд, неподвижные влажные губы, и меня замутило так, что пришлось лечь головой на стол.

– Ты всегда слишком интенсивно думаешь о смерти. Девушку подвело сердце, ее же не убили, – рассердилась мама. – Иди-ка на работу, там быстрее обо всем этом забудешь.

В общем, пришлось соврать, что я ушла в салон, и надеяться, что у отца нет концерта в Йемтео, а то он обязательно решит заскочить к дочери. Тот день и пару дней после я занималась тем, что бродила по центру Андона и изучала бацзы мертвой девушки номер два, сидя в кафе и библиотеках. При мысли о салоне я покрывалась испариной, но не нашла сил признаться в этом своей несгибаемой матери.

Никакого сходства между умершими девушками я не нашла: разный год рождения, разные стихии. Студентка Ким Ха Юн оказалась Быком земли инь – мудрый и творческий знак.

Интересно, что она делала в Йемтео в тот день? Тоже туристка? Или, может, писала какую-то научную работу? В интернете об этом, увы, никто не упоминал.

Местные новости я теперь читала каждый день. Если кто-то еще умрет... Я не хотела этого, честное слово, – просто фантазировала, как пришла бы к инспектору и сказала: «Я была права, тут что-то странное». Какая из его ипостасей встретила бы меня? Добрая или злая?

Я пила вот уже который капучино за день, смотрела на парней в очередном кафе и сравнивала их с инспектором Чаном. Это уж точно не могло считаться увлеченностью, потому что все сравнения оказывались не в его пользу. У одного парня были стильно подобранные аксессуары, у второго – идеально отбеленные зубы, третий водил пальцем по экрану самой последней модели телефона, о которой везде писали, – значит, богатый. Вот доживу до тридцати и выберу себе такого парня, что все ахнут. А инспектор пусть прозябает в своем участке с плакатами и фикусом.

Бывают моменты, когда жизнь становится на удивление лишней содержанием, призрачной, пока что-то не пробуждает нас, как весна – семена, спящие под землей. Десятого июня я проснулась и, как обычно, первым делом уткнулась в телефон. Открыла новости – и резко села в кровати.

«Молодую офисную сотрудницу О Су Джи накануне обнаружили мертвой в Йемтео, около книжной лавки *Story*. Полиция сообщает, что следов насильственной смерти не найдено, но, по информации нашего издания, за последнюю неделю это третья подобная смерть, что не может не вызывать тревогу».

Я начала судорожно искать другие новости по теме и обнаружила на сайте местного телеканала видеорепортаж, который начинался с записи, сделанной женихом девушки. Он снимал себя на телефон – подавленный, красивый, глаза заплаканные.

«Су Джи была совершенно здорова. Я знаю это, потому что мы готовились к свадьбе и оба недавно проходили обследование. Полиция говорит, она умерла естественной смертью, но этого не может быть! Я добьюсь правды, чего бы это ни стоило. Она пошла в этнографическую деревню, чтобы заказать серьги к свадьбе. Прошу всех, кто был вчера в Йемтео и видел ее, связаться со мной по номеру телефона внизу экрана и рассказать любые детали».

Он показывал ее фотографию, открытую на планшете, и его руки дрожали.

«Безутешный жених в знак протеста и скорби отказывается покидать место смерти О Су Джи», – печально сообщил корреспондент андонского канала, но глаза у него так и горели: в кои веки в Йемтео происходило что-то более сенсационное, чем фестиваль народной музыки или выставка глиняных изделий.

Корреспондент стоял на знакомой улочке в десяти минутах ходьбы от моего салона, а рядом на земле понуро сидел парень, одетый в деловой костюм. Он держал в руках белую хризантему, цветок скорби, а двое полицейских пытались вежливо его увести – не тащить же волоком под прицелом камеры. К своему стыду, внимательнее всего на этом видео я разглядывала полицейских, но знакомых не увидела. Зато искренне зареванное, несчастное лицо жениха меня поразило. В моей семье яркие эмоции не приветствовались, а жених, нисколько не стесняясь журналистов, прохожих и полиции, рыдал по мертвой невесте, размазывая слезы рукавом пиджака.

«Вот бы меня кто-то настолько сильно любил», – подумала я.

Я отбросила телефон, до краев наполненная щекочущим, нездоровым предвкушением. Меня все это не касается – и все же... У меня ведь никогда больше не будет настоящей причины встретить инспектора Чана, разве что начну грабить все магазины подряд, пока он не явится меня арестовать. Я видела его добрым, злым... Каким он будет в третий раз? Это же простое человеческое любопытство, без всякого тайного умысла.

Чтобы решить, как поступить, я впервые со дня трагедии в салоне расписала себе предсказание бацзы на день.

«Проявлять осторожность. Вести размеренную жизнь», – посоветовало оно. Я несколько секунд смотрела на результат, а потом вскочила и начала одеваться. Ослушаюсь всего разок!

– Мама, я на работу! – сказала я, промчавшись мимо нее.

В этот раз я решила подготовиться к встрече с инспектором Чаном: чтобы он смягчился, нужно принести ему что-нибудь ценное. После трех смертей подряд возмущенная общественность наверняка надела на полицию, им несладко – а раз так, неплохо бы им помочь. Вдруг, изучив бацзы всех трех девушек, я найду что-то схожее в сплетениях судеб, которые привели их к ранней смерти? Докажу, что чтение бацзы – это не шарлатанские сказки!

К счастью, полиция оставила жениха в покое и разрешила скорбеть на пороге книжного. Он сидел на широкой ступеньке и тихо плакал, сжимая потрепанную хризантему. У работников магазина, похоже, не хватило духу обругать скорбящего за нарушение общественного порядка и отпугивание клиентов. Я подошла и тихо села рядом.

– Господин, – позвала я, оробев от силы его скорби. – Сочувствую вашей утрате. Я предсказательница, меня зовут Ли Юн Хи. Прошу, скажите мне дату, время и место рождения вашей невесты.

– Вам для какого-то блага? – хрипло спросил он, глядя прямо перед собой.

– Нет. Я тоже хочу выяснить, что с ней случилось.

– Уходите, – устало бросил он и вытер щеку пиджаком.

Я порылась в сумке и протянула ему упаковку бумажных платков.

– Прошу прощения за бестактность. Просто я... – Я заколебалась, но все же сказала правду. – Мне предсказали, что я умру молодой, если полюблю раньше тридцати лет. Я хочу понять, существует ли в бацзы какой-то знак, который может указать на возможность ранней смерти. И если существует, есть ли он у меня. Потому что, если нет... вдруг я могу полюбить, когда захочу?

Мне было стыдно бросать такую мелкую проблему в ураган его скорби, но он вдруг слабо усмехнулся и глянул на меня.

– Полюбить, когда захочешь, – это абсурд, – хрипло сказал он. – Любовь просто случается. Она, как стихия, захватывает тебя, и... Су Джи была девушкой моего приятеля. Но мы увидели друг друга и уже не могли забыть, как ни пытались. Нам столько всего пришлось преодолеть! В прошлом году она попала в аварию, еле выжила, и вот наконец... – Он застонал и вцепился себе в волосы. – Это несправедливо! У нас наконец-то все было так хорошо, мы готовились к свадьбе, и...

Я жала его запястье, горя вместе с ним.

– Хотите, прочту вашу судьбу? Я думаю, вас ждет прекрасная жизнь. Вас это утешит?

Он посмотрел на меня в упор. Бледный, невозможно красивый, благородное тонкое лицо, как у сказочного принца.

– Я не хочу утешаться. Значит, такая была у моей Су Джи судьба, и постепенно я смогу это принять. Все равно мы были предназначены друг другу. Даже зная, что она умрет, я ничего не стал бы менять и полюбил бы ее снова. – Он вытащил из пачки платок и вытер глаза. – Она родилась двенадцатого мая двухтысячного, в Андоне, в шесть вечера. Спасибо, предсказательница. Я посижу тут еще, а когда скорбь немного отступит, пойду молиться в храм.

– Вы справитесь с этой бедой, – выдохнула я, очарованная им до предела.

Я бы уже влюбилась, если бы не научилась душить это чувство в зародыше. Представлять голым скорбящего человека неприлично, так что я проямлила что-то невразумительное, поклонилась и дала деру.

Ах, как было бы здорово найти в бацзы девушек схожую черту, понять, что у меня такой нет и что мама ошиблась в своем предсказании, а потом решительно полюбить какого-нибудь симпатичного парня! Мы пойдем вместе пить ярко-розовый лимонад в парке, будем страстно

целоваться на каждом углу. Глядя на жениха, я твердо поняла: любовь стоит того, чтобы за нее побороться. Не хочу ждать десять лет! Хочу полюбить прямо сейчас.

Бацзы я рассчитала в ближайшем кафе, взяв капучино с пенкой, на которой бариста нарисовал сердечко, будто предвещая мне любовную удачу. Никакого знака ранней смерти я снова не нашла, да и вообще Су Джи была совсем не похожа на первых двух девушек: Дракон стихии металла, честолюбивая, яркая, способная вскружить голову кому угодно.

Три такие разные, совершенно несхожие между собой женщины – никаких общих черт. И тогда я вдруг поняла: вот в этом и странность. Маленькая особенность в первых двух случаях превращалась в систему, когда повторялась три раза. Капучино остыл, пенка осела, я перепроверила все еще раз. Для полного анализа мне нужна была еще одна деталь, и если я сравню их все...

На свете пять стихий: огонь, земля, металл, вода и дерево. И у каждой две стороны: темный знак инь и светлый знак ян. Вместе они образуют десять небесных стволов. А еще есть двенадцать земных ветвей, или двенадцать животных календаря. Небесные стволы и земные ветви сплетаются, так что каждый год имеет свое животное-символ, стихию и знак. Первая девушка была огненной Крысой. Вторая – земляным Быком. Третья – металлическим Драконом.

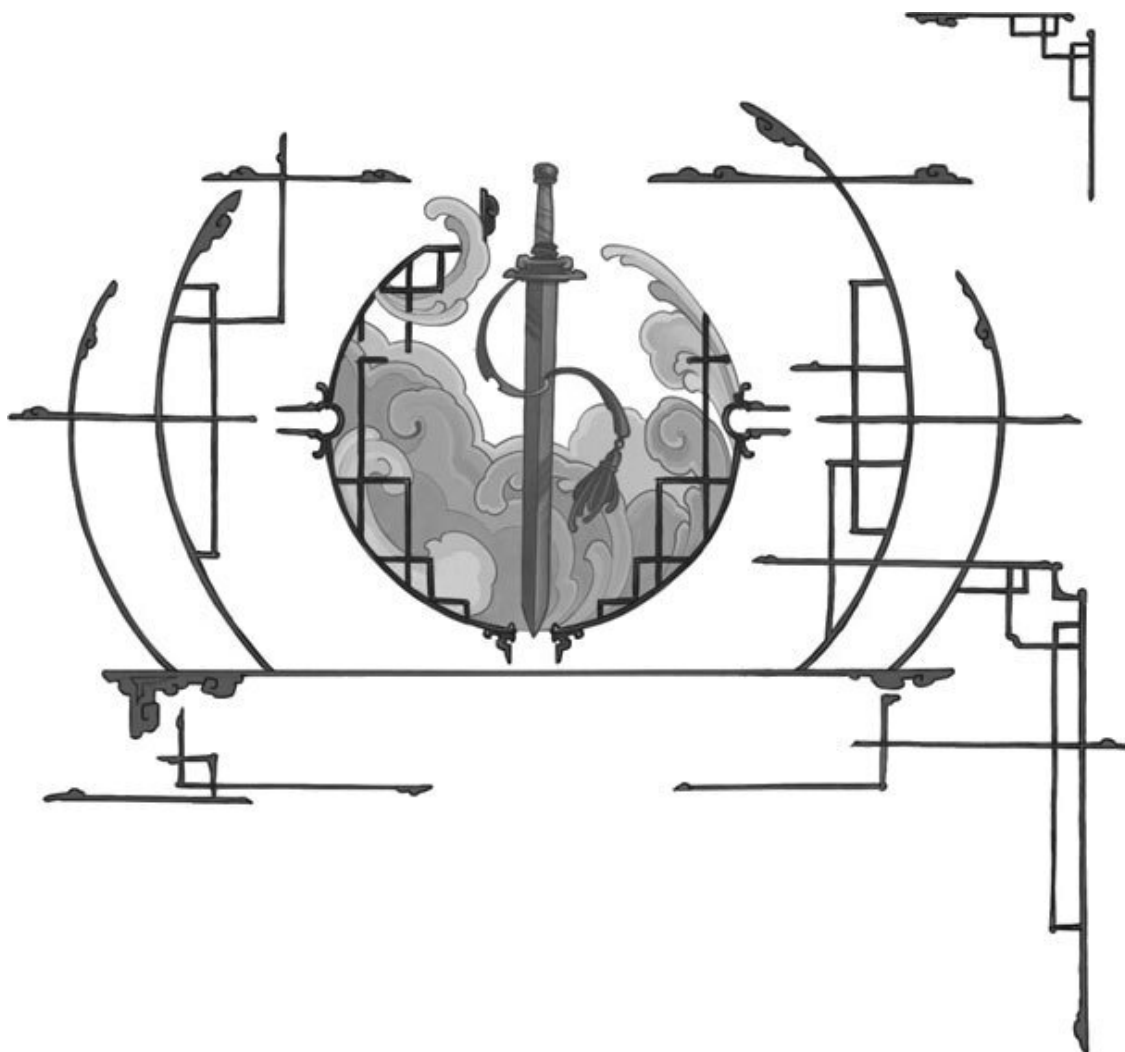
В животных-символах никакого особого смысла я не угадывала, а вот стихии... Кое-что в них было совершенно необъяснимо – и хуже всего то, что эта необъяснимая черта объединяла девушек еще с одним человеком.

Со мной.

Глава 3

Вода и дерево

Когда инспектор Чан увидел меня снова, лицо у него вытянулось.

– Я ненадолго, – с достоинством сказала я, жадно вглядываясь в его лицо.

На этот раз в участке царило оживление: кто-то спорил, кто-то звонил по телефону. Инспектор был не добрый и не злой, скорее, уставший.

– Прошу, узнайте для меня время рождения студентки, которую нашли около храма, – сказала я. – Если ответите, больше меня не увидите.

– Чем докажете?

– Ну, во многих сказках всего бывает по три: три принцессы, три задания. Значит, и у нас будет три встречи, эта последняя.

– Хорошо бы так, – пробормотал инспектор, взял со стола мобильный и набрал номер. – Госпожа Гу, это инспектор Чан из полицейского участка Андон-Юг. Нет, к сожалению, новостей о смерти вашей дочери нет. Но для проработки одной теории... связанной со здоровьем... Нам нужно узнать, во сколько она родилась. Благодарю, до свидания. – Он бросил телефон на толстую стопку бумаг и глянул на меня. – Двадцать два часа. Надеюсь, вы довольны, а теперь – до свидания.

Я стояла, растерянно моргая. Двадцать два часа...

В бацзы стихия-покровитель есть не только у года, но и у каждого месяца, дня и часа. Это помогает рассчитать для любого дела благоприятное время: совпадут ли день и час с вашей стихией рождения или будут в остром противоречии с ней? Сейчас, конечно, всё подсчитывают приложения, но раньше предсказатели в начале каждого гадания находили четыре ваших знака бацзы, четыре небесных ствола. Если вы, например, родились в Сеуле девятого января две тысячи четвертого года в восемь утра, знаки будут такими:

Час: дерево. День: огонь. Месяц: дерево. Год: вода.

С помощью этих данных предсказатель выберет для вас лучший момент, чтобы зачать ребенка, сменить работу или купить дом. Но в стихиях жертв была одна странность, которая вот сейчас, с учетом времени рождения, стала только страннее.

Я села на стул напротив стола инспектора – неудобный, железный, словно даже стул просил визитеров не задерживаться, – вытащила телефон и принялась за дело.

– Эй! – возмутился инспектор.

Но я была на пороге открытия, даже ладони вспотели.

Трех девушек объединяло то, чего никто на первый взгляд не заметил. Два раза это могло быть совпадением, но третий... Я все посчитала в приложении, потом еще раз – на бумаге. Мама говорила, если все будем считать в телефоне, никто нам не поверит. Приложение, конечно, не ошиблось.

– Может, еще стебли тысячелистника тут разложите? – холодно спросил инспектор. – Давайте уж тогда, не стесняйтесь, доставайте флажки с мудрецами, черепаший панцирь, монеты, что хотите!

– Для того, кто презирает астрологов, вы слишком хорошо знаете способы гадать, – сказала я, просто чтобы сбить с него спесь. – Ну, флажки можно почти в каждом астросалоне найти, хотя и для этого туда надо зайти, но вот информация про тысячелистник, как в Древнем Китае, – это уже продвинутый уровень. Вы что, разлюбили гадателей, когда вам напророчили не то, что хотелось?

– Ой, да пошли вы! – рявкнул он на весь участок.

Я ахнула. Ну и грубость! Даже краска в лицо бросилась – меня никогда еще так не оскорбляли.

– Извините. Я... – Инспектор потер лицо. – Не знаю, что на меня нашло. Устал. Что у вас там? Говорите и – прошу, прошу – уходите.

Ну зря он так орал, конечно. После этого все, кто был в участке, стянулись к его столу: интересно стало, что происходит. Инспектор, похоже, понял свою ошибку и нахмурился, доведя морщину между бровями до такой глубины, что уже никакой косметолог не поможет.

Я обвела взглядом так кстати подошедшую публику и указала им на лист бумаги, где подробно все расписала.

Время и место рождения первой жертвы. Час: огонь. День: огонь. Месяц: огонь. Год: огонь.

Вторая жертва. Час: земля. День: земля. Месяц: земля. Год: земля.

Третья жертва. Час: металл. День: металл. Месяц: металл. Год: металл.

– Во-первых, стихии идут в верном порядке, как в священном круге У-Син, – пояснила я. – Во-вторых, каждая девушка до мозга костей воплощает свою стихию.

Была причина, по которой это меня очень, очень волновало.

– Такое часто бывает? – с интересом спросил один из молодых офицеров.

– Редко. И в одном я не сомневаюсь: инфаркт с людьми так выборочно не случается. А значит, это может быть убийство, да? Ритуальное астрологическое убийство неизвестным способом?

Я огляделась, призывая всех в свидетели. Полицейские переварили информацию и начали тихо рассасываться по местам. Никто, похоже, не хотел быть человеком, который скажет: «Вау, какая интересная теория, берем в работу», чтобы потом его засмеяли остальные. Пусть эту кашу расхлебывает инспектор Чан, к которому я и пришла.

Чан Чон Мин сердито сложил руки на груди, придавив бейдж с собственной мрачной фотографией. Я заметила, что многие копы в его участке бейдж на шее не носили: лента торчала у них из кармана или лежала на столе, даже у тех, кто помладше и вроде бы должен больше следовать правилам. Но инспектор был таким законопослушным, что ходил с бейджем, как собака с ошейником. Ну зато, если он потеряется, все будут знать, куда его вернуть: в полицейский участок Андон-Юг.

– И что мне делать с этой информацией? – сварливо спросил он.

– Вы меня спрашиваете? Я вам на блюдечке принесла такие ценные сведения – могли бы хоть спасибо сказать!

– Мы учтем ваши наблюдения. А теперь мне пора работать.

– Вы что, главное не поняли?! Пять стихий: огонь, земля, металл, вода, дерево. Девушки трех стихий уже мертвы, значит, умрут еще две: вода и дерево. Вы что, будете просто сидеть и ждать, когда это случится?

Инспектор возмутился:

– Мне даже интересно послушать ваше мнение. – Он перегнулся ко мне через стол, и я замерла. Несмотря на его оскорбительное поведение, захотелось податься ему навстречу, и это желание привело меня в ужас. – И что же с ними случилось?

– Может, какая-то новая эпидемия? А может, дүхи, токкэби, призраки. Где им объявиться, как не в Йемтео? Или таинственный убийца-астролог ненавидит красивых женщин и травит их ядом, который не оставляет следов... А может, место, где они умерли, важно? Это все туристические места: храм, книжная лавка.

– Да, и ваш салон размером с пенал – тоже известное туристическое место.

– Если первую девушку правда убили, это произошло не у меня. Она умерла в салоне, но... Честно, она, когда пришла, уже вела себя очень странно.

Инспектор вздохнул. Одно было ясно: таких дел в его практике еще не встречалось. Он колебался, и мне это нравилось: видно было, что в душе он добрый и не рад смерти девушек, но погружаться в астрологические пучины все равно отказывается. Мы помолчали, а потом он вдруг улыбнулся мне, как, наверное, улыбался потерявшимся детям, старикам и туристам. У меня что-то жарко сжалось внутри.

– Эти смерти просто взяли и случились. Жизнь коротка, предсказательница Ли. Не тратьте ее на погоню за призраками, займитесь своими делами.

– Ага. Мне... Мне надо в салон, – прошелестела я, потому что ясно поняла: единственный способ не впадать в это необъяснимое состояние при виде Чана Чон Мина – не видеть его больше никогда.

Я действительно дошла до своего салона, но даже порога не переступила – полезла было в сумку за ключом и не смогла его достать.

Я пророчила той девушке счастливую жизнь, а через пять минут она умерла. Прямо как хирург, который обещал пациенту, что операция пройдет успешно, а потом у того сердце остановилось!

«Нехилого вы о себе мнения, предсказательница Ли, раз сравниваете себя с врачом», – сказал бы инспектор Чан. Я начала уже придумывать достойный ответ, но поняла, что его здесь нет и оправдываться не перед кем.

– Предсказательница Ли? – окликнула меня хозяйка гостиницы, сидевшая на солнышке. Вид у нее был подобострастный, от бывшего гнева и следа не осталось.

– Как дела с сыном? – вяло спросила я.

– Позвонила ему тогда все-таки! И поссорились – девушка мне не понравилась. Я слабо улыбнулась. Говорила же, бацзы не врет: не стоило тогда звонить сыну, неудачный был день.

– Вас полиция закрыла из-за смерти той пьянчужки? – спросила она.

– Откуда вы знаете, пила она или нет? – нахмурилась я. – В новостях про нее вообще не писали.

– Так я видела ее! Сидела вот тут, она как раз мимо прошла. Дрянь-девчонка, сразу видно. Я уж боялась, она ко мне зайдет, но она сразу к вам.

– А откуда она шла?

– Да вон оттуда, со стороны моста. Ну так что, вы уже открываетесь? Хочу, чтоб вы мне нашли лучшее время, чтобы с сыном мириться.

Меня мучила жуткая физическая тревога, сильная, как недомогание, из-за одной детали в бацзы девушек, которая касалась и меня. Я вспомнила, как Пак Со Ён стоит в дверях моего салона, упираясь руками в стены проема. Ее уже похоронили или она все еще мерзнет в морге? Было кому ее оплакать? Надо спросить у инспектора. Мне представилось, как я, красиво одетая в черное, прихожу на ее похороны и дарю утешение скорбящей семье. Какая же она пьянчужка? Инспектор сказал, алкоголя у нее в крови было совсем немного. Я достала телефон и нашла на карте ближайший бар – за мостом.

– Извините, я чуть позже откроюсь, – пробормотала я и поспешила к мосту.

Вдруг что-нибудь пойму, если пройду тем же путем? Мост Лунного Света недалеко, я туда и обратно.

Я вышла на набережную, облокотилась на перила и немного посмотрела, как туристы прогуливаются по мосту и фоткаются. Столько парочек! Четыреста метров кружевного деревянного моста, самого длинного в Корее, да еще с романтической историей. Я собралась уже вступить на мост, когда меня окликнули.

Не может быть. Инспектор Чан стоял около своей машины, небрежно брошенной на краю парковки. Пока я размышляла, может ли коп выписать сам себе штраф за парковку, инспектор подошел ко мне. Ветерок, гулявший над рекой, растрепал его волосы еще сильнее, чем обычно.

– Вы меня преследуете? – спросила я.

– Это вы меня преследуете, – в своей обычной хамской манере ответил он. – Мы в любом случае встретились бы на мосту, так что я решил еще на берегу узнать, что вы тут забыли.

– Что я тут забыла? Это городская набережная!

– Вы же сказали, вам нужно в салон.

– А вы сказали, вам нужно работать.

В глубине души я надеялась, что он хотя бы усмехнется в ответ, но он просто молча меня разглядывал. Видимо, улыбки я от него не дождусь никогда. Не то чтобы очень хотелось, но это просто невежливо! Разве полицейский в туристическом районе не должен быть полюбезнее?

– Вы, случайно, не в бар? – неохотно спросил он, сунув руки в карманы.

– А вы приглашаете? Инспектор, мы не настолько близко знакомы.

Не знаю уж, что в меня вселилось, но хотелось общаться с ним именно так: грубить, подначивать. Задеть его, как он задевал меня.

– Пак Со Ён выглядела как человек, идущий из бара. Я решил проверить ближайший к вашему салону бар, – сухо сказал инспектор.

Он уже сделал пару шагов по пешеходному мосту, но я догнала его.

– Ладно, я тоже решила проверить, откуда ко мне пришла Пак Со Ён. Ха! Значит, вы все-таки поверили, что девушки не просто так умерли. – Он не ответил, и я решила сменить тему: – А куда вы дели Гиля? Я думала, копы везде ходят по двое.

– Ходят, – подтвердил инспектор Чан, неспешно шагая по мосту.

– И сейчас его тут нет, потому что?..

– Дело не открыто, официально никакого расследования быть не может. У меня обеденный перерыв, иду куда хочу.

Значит, все эти «мне срочно надо работать» были просто, чтобы меня сплавить. Обидно.

– Узнаю, вдруг ее там видели, – как ни в чем не бывало пояснил он. – К тому же вы говорили, что она твердила про какого-то красавчика. Может, конечно, это был ее парень...

– Нет, – твердо сказала я. – Они были едва знакомы. Могли познакомиться прямо в тот вечер. Пак Со Ён хотела выяснить их совместимость, но не знала, когда он родился.

– И что? Не все показывают друг другу документы, едва начнут встречаться.

Я скептически глянула на него. Либо он одинок, либо женат так давно, что уж и не помнит, как выглядят ритуалы ухаживания.

– Любая девушка почти сразу спросит у парня, кто он по гороскопу, чтобы рассчитать совместимость. Даже если к астрологу не пойдет, в приложении точно проверит.

Знала я это, к сожалению, не по собственному опыту, но многочисленные клиентки врать не будут.

Инспектор хотел что-то ответить, но тут нас едва не сбила с ног парочка, которая бросилась к свободному местечку около перил, чтобы сфоткаться. Мост был не старинный, ему всего-то лет десять, но волшебно красивый, с павильоном на середине пути. Такую кружевную форму выбрала для моста женщина-архитектор в знак любви к умершему мужу, и мост тут же стал любимой достопримечательностью парочек. Меня вдруг смутило, что мы идем по нему с инспектором. Он поймал мой взгляд и вопросительно поднял брови:

– У вас новая гениальная теория?

– Нет, – промямлила я и все же сказала: захотелось смутить его: – Просто... Вы же знаете, почему на этом мосту сплошные парочки?

Он без выражения смотрел на меня, огибая бесконечных влюбленных, бродивших в поисках лучшего места для фото.

– Пару, которая вдвоем перейдет мост, ждет долгая и счастливая жизнь вместе, – сказала я, надеясь получить хоть какую-то реакцию.

Инспектор фыркнул, щурясь от солнца. Я впервые видела его не в помещении, а на улице. Выглядел он тут как крот, которого вытащили из-под земли, – шевелит лапами и только и мечтает вернуться в естественную среду.

– Гарантирую, что не вся эта толпа будет счастлива до конца дней. Слишком простые рецепты семейного счастья никогда не работают.

– По своему опыту говорите?

– Предсказательница Ли... – Он вдруг остановился посреди моста, и на него налетел чей-то ребенок на маленьком велосипеде. – Что за вопросы? Чем я вызвал такой интерес?

Внутри меня все напряглось, как будто каждое слово было ударом, который попадал в диафрагму. Я умолкла, глядя на сияющую под солнцем гладь Нактонгана. Обида переполняла меня, подмывало развернуться и вернуться по мосту назад, раз его так раздражает мое присутствие, но это было бы по-детски. Взрослые в таких случаях не убегают, а молча игнорируют обидчика, демонстрируя презрение. Этим я и занималась, когда случайно натолкнулась на взгляд Чана Чон Мина: внимательный, как всегда. Он смотрел на все вокруг так, словно хотел разобраться в малейших деталях. Даже на меня.

– Прощу прощения, – сказал он, и в его голосе была крохотная искорка тепла, от которой я тут же смягчилась. – Знаю, что мне часто приходится извиняться, но... Я имел в виду именно это: я действительно не понимаю, зачем вам наше расследование, наш участок и знания о моей личной жизни.

Его непроницаемый хмурый взгляд проникал мне в самую душу, так что пришлось ответить.

– Я редко общаюсь с... – «Мужчинами», хотела сказать я, но вовремя спохватилась: – С кем-то, кроме семьи и клиентов. Вы тоже простите мою грубость. А насчет расследования...

Мне захотелось сказать ему то, что мучило меня весь день, – вдруг тогда я из надоедливой девчонки, которая до печенок его достала, стану дамой в беде? Мы как раз проходили мимо павильона в середине моста, и семья с ребенком встала с отличного места на ступеньке, собираясь уходить. Я схватила инспектора за рукав и проворно заняла это место, утягивая его за собой. Он сел рядом, вопросительно глядя на меня.

– Извините, – в который раз повторила я. – Тут надо шевелиться: едва место появляется, его тут же занимают.

– Хотите отдохнуть?

В его словах мне опять почудилась издевка, и множество мелких обид на него в этот момент объединились в одну большую. Ну до чего неприятный тип – счастлива буду забыть о нем! Но сначала все же... Я вытащила из сумки листок, на котором расписала стихи рождения трех девушек. Огонь, земля и металл до мозга костей.

– Я родилась пятого сентября две тысячи четвертого в одиннадцать утра в Андоне. Ввожу эти данные в онлайн-калькулятор бацзы, и...

Я развернула к нему экран. Четыре одинаковые зеленые картинки с листком, как в игровых ретроавтоматах, которые иногда выставляют на ярмарках, – только в данный момент все это обозначало совсем не выигрыш.

Год: дерево. Месяц: дерево. День: дерево. Час: дерево.

Инспектор долго смотрел на экран моего телефона, не делая даже попытки взять его у меня из рук.

– Пять стихий: огонь, земля, металл, вода и дерево, – пробормотал он. Надо же, и правильный порядок знает – или просто так хорошо запомнил мои слова? – Девушки стихий огонь, земля и металл мертвы. Вы – дерево. Боитесь за свою жизнь?

От того, насколько прямо он выразил суть проблемы, мне стало не по себе. Сейчас скажет, что я избалованная богачка, которая выдумывает себе повод для беспокойства. Но Чан Чон Мин поставил локти на колени и с силой потер лицо и лоб, окончательно растрепав свою и так далекую от совершенства стрижку.

– Ситуация – просто жопа, – в сердцах выдохнул он.

Глаза у меня округлились. Я ослышалась, или он сказал... Но даже если я все услышала верно, извиняться он не стал.

– Если я просто велю вам идти домой, будете до следующей смерти сидеть как на иголках? – спросил он.

Я напряженно подняла плечи. Опять насмехается, или?..

– Да не издеваюсь я над вами! – Чан Чон Мин повысил голос. – Когда я задаю вопрос, я в буквальном смысле это и спрашиваю.

Ну тогда я не попевала за его ходом мысли.

– Конечно, я буду сидеть как на иголках! Предыдущие смерти происходили раз в три дня. Значит, какая-то девушка стихии воды умрет в Йемтео через два дня, а дерева – еще через...

– Ой, можете нас сфоткать? – К нам подбежала незнакомая девушка и вежливо поклонилась.

Я взяла у нее телефон, сняла их с парнем на фоне павильона. Они дурачились, строили рожицы, обнимались, и я испытала привычную зависть.

– Давайте теперь мы вас, – счастливо сказала девушка и потянула руку за моим телефоном.

Я посмотрела на лицо инспектора, приветливое, как надпись «Осторожно, злая собака», и протянула ей телефон. Схватила инспектора за рукав и подтянула к резной колонне. Каждый раз, дразня его, я на несколько секунд забывала о своих проблемах.

– Что вы такие грустные?! – удивилась сияющая от радости девушка. – Поцелуйтесь, ну или хоть улыбнитесь!

Я показала камере сердечко и вытянула губы, как для воздушного поцелуя. Весело покосилась на инспектора, но тот стоял как министр эпохи Чосон, позирующий для портрета.

– Благодарю! – Я поклонилась девушке и забрала телефон, умирая от желания глянуть на фотки. – Желаю вам счастья.

– И вашей паре тоже желаем всего наилучшего!

Парочка поклонилась нам и весело двинулась по мосту дальше. Я глянула на инспектора и гнусно рассмеялась. Он покраснел! Правда, покраснел! Может, это от злости, но все равно было мило: сразу стал выглядеть на свои тридцать, а не на сто тридцать. На фотки я смотреть не стала, чтобы его не смущать.

– Идемте, – сказала я, засунув телефон в сумку. – Если сначала откроете дело, а потом раскроете и закроете, вам наверняка какую-нибудь премию дадут.

Меня так и подмывало сказать: «Потратьте ее на барбершоп», но я сдержалась. Мы молчали до конца моста. Я слушала звуки наших шагов на деревянных досках, и, пусть это ничего не значило, проход по мосту показался мне головокружительным. Моя нога в белой кроссовке ступила на землю одновременно с его ногой в коричневом ботинке, и пришлось закусить изнутри губу, чтобы боль немного отвлекла от мысли, что мы как молодожены, которые ступают на ковровую дорожку в зале торжеств.

Уймись, Юн Хи, пожалуйста, пожалуйста, не думай об этом. Я сошла на землю и начала лихорадочно представлять Чана Чон Мина без одежды на поле для гольфа, покосилась на его шею, бледную до воротника, и так отпрянула, что споткнулась. Инспектор поймал меня и поставил ровно. Ощущение его рук, даже через пиджак, мне совсем не помогло.

– Вы перегрелись, – констатировал инспектор.

Но даже его тон «капризная девчонка и ее мелкие проблемы» не привел меня в чувство. Я представила, как расстегиваю его рубашку и с каждой пуговицей вижу все больше бледной, нетронутой солнцем кожи. Это должно было вызвать отвращение и желание сбежать, но, вместо этого, лишь захотелось пригласить экзорциста, чтобы он раз и навсегда очистил меня от одержимости и стер память об инспекторе.

– Куплю вам воды, предсказательница, – сказал Чан Чон Мин.

Все-таки мрачный характер уживался в нем с добротой. Я растроганно улыбнулась, но тут же заставила себя нахмуриться. Нельзя показать, что творится в моей тупой башке.

– Я могу за себя заплатить, – в попытке спасти свою гордость сказала я, но он воспринял мои слова совсем не так, как я хотела.

– Да-да, вы богатая, я уже понял, – сказал он и отошел к киоску.

Вода с газом приятно освежала. Я вообще-то газированную не люблю, но он купил себе тоже и так аппетитно пил, что я невольно заразилась его энтузиазмом.

К тому моменту, как мы дошли до бара с интригующим названием «Бар Синих Струн», я уже немного успокоилась. Бар располагался на первом этаже современного трехэтажного здания, ловко скрытого деревьями: с моста, где гуляют туристы, его и не увидишь. Вывески верхних этажей предлагали химчистку, соджу от производителя, товары для дома и косметику, а на первом этаже горела скромная вывеска: синий бокал для мартини и традиционная лютя ханпипха. Очевидно, вывеска намекала, что даже в этом культурно богатом районе есть место, где вы сможете славно повеселиться вечером. Я энергично двинулась к двери, но инспектор Чан меня остановил. Он угрюмо обозревал здание, словно что-то ему тут не нравилось, но что – он не скажет.

– Я пойду сам. Я-то полицейский, а как объяснить им ваше присутствие, не знаю, – отрезал он. – Будете зажигать ароматические палочки и по форме дыма определять, была ли тут Пак Со Ён? К тому же вы перегрелись, вам надо домой. Уверен, вы можете позволить себе такси.

– Ладно, – вздохнула я. Обида была сильна, но я почти привыкла к тому, что ему так часто удавалось меня задеть. – Идите, я вызову такси.

– Не-а. Дайте угадаю: вы дождетесь, пока я зайду, и зайдете следом.

Я наморщила нос, не в силах иначе выразить свое возмущение. А он, оказывается, еще даже не закончил.

– Так себе идея. – Инспектор обвел щедрым жестом меня целиком. – Вы не похожи на женщину, которая хоть изредка заходит в бар.

Если он хотел сказать «вы скучная», то я так его и поняла. И почувствовала, как предательски краснею.

– Не принимаю замечаний про внешность от человека, который не умеет бриться, – вспыхнула я.

В его глазах что-то мелькнуло, и я поняла, что тоже задела его. Он тронул свою щеку, и я подумала: «Один – один, козел».

– Так, всё. Доставайте телефон и вызывайте такси. Я поверю, что вы уехали, только когда сам это увижу.

Прохожие косились на нас с любопытством: инспектор в униформе отчитывал меня, как будто посреди улицы решил выписать мне штраф. Я могла бы не вызывать такси – где хочу там и стою, – но я уступила по странной причине. Не хотелось выглядеть упрямой врединой – может, уже поздно, впечатление не исправить, и все же... Интересно, смягчится ли он, если я ему уступлю? Может, даже остановит меня в последний момент.

– Вызываю, – смиренно сказала я. – Извините, что помешала.

Я заказала такси люкс: вообще-то никогда так не делаю, но раз он считает меня богачкой, пусть продолжает думать, что так оно и есть. Солнце грело вовсю, в магазине рядом гремела музыка, а бар был тих, на просторной террасе – никого, хотя, судя по расписанию, он был уже открыт.

Что сказать на прощание? «Позвоните, если что-нибудь выясните, вот мой номер»? «Надеюсь вас больше не увидеть»? «Спасибо за воду»?

К счастью, инспектор Чан решил за меня – вот это джентльмен.

– Вы очень помогли, – сказал он с вежливостью, которая не обещала ничего хорошего. Я уже научилась различать оттенки его голоса. – Благодарю за ваши исследования. Пожалуйста, не приходите больше в участок.

Подъехала шикарная черная машина – даже немного жаль, что так быстро, потому что я не успела выдумать ответ. Я села на заднее сиденье. После такой прощальной фразы лучше вообще не смотреть на него. Или все же показать взглядом, что я обижена? Лучше не смотреть: он наплевал даже на новость о том, что я тоже человек одной стихии, как и мертвые девушки.

Но, закрывая дверцу, я все же на него покосилась. Чан Чон Мин стоял, засунув руки в карманы форменных брюк, и не отрывал взгляда от такси. Его антипатия ко мне, похоже, простиралась настолько далеко, что он ждал: я в последний момент выскочу из машины и, отпихнув его с дороги, влечу в бар, как злой дух вонгви.

Глядя на залитые солнцем хлопковые поля вдоль дороги, я не разжимала зубов. Внутри меня плескалось море слез, и все силы уходили на то, чтобы не дать им выплеснуться наружу, – казалось, они вырвутся под напором, как в мультиках, и зальют весь роскошный бежевый салон. Конечно, я не ожидала, что инспектор упадет к моим ногам, мне это и не надо, я бы сама от него сбежала, но... но... У меня впервые возникло ощущение, что я одна не из-за пророчества, а просто потому, что никому не нравлюсь.

Папа копался в саду перед домом. Несколько месяцев назад он чуть не умер от сердечной недостаточности и после выхода из больницы полюбил возиться с землей и растениями. Наверное, еще поэтому на меня произвела такое сильное впечатление смерть тех девушек: я не понаслышке знала, какая хрупкая вещь – сердце, и какое горе приходит в семью, когда кто-то

падает средь бела дня, едва дыша и сжимая рубашку на груди. Я сделала веселое лицо, но папа все равно вопросительно глянул на меня, когда я проходила мимо.

Как же жаль, что сейчас всего три часа дня и нельзя просто лечь спать, чтобы забыть обо всем! Я задвинула за собой двери в комнату и расплакалась, сама не понимая отчего. Глупо обижаться на слова случайного попутчика на жизненном пути, с которым мы больше не встретимся, потому что он не хочет меня видеть, но я рыдала, как девчонка, глуша звуки подушкой, чтобы тонкие стены нашего дома меня не выдали. Я чувствовала себя растревоженной, живой, болезненно настоящей и рыдала, как часто рыдаю над фильмами: словно потеряла что-то, чего у меня и не было никогда.

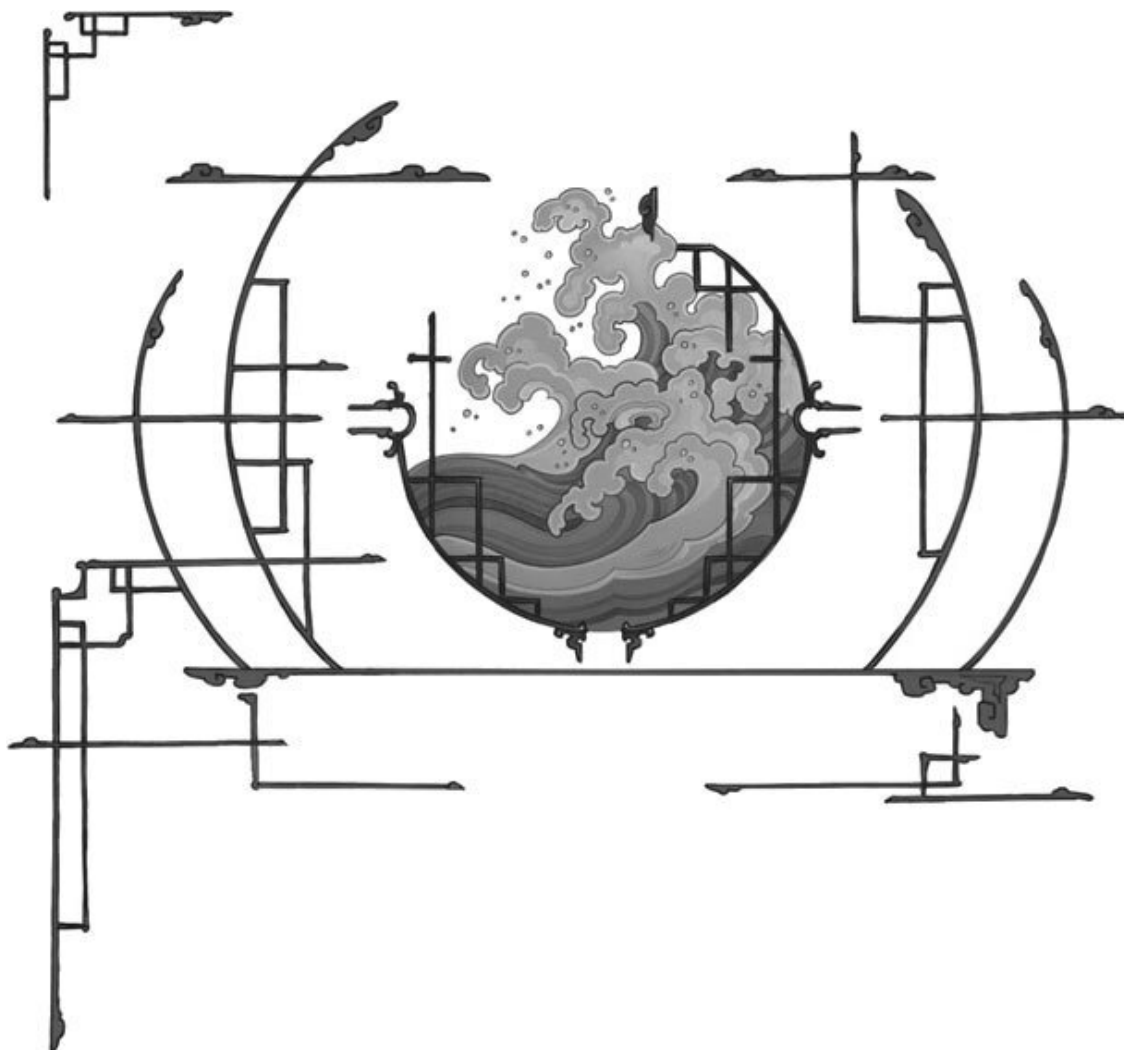
Я же не запала на него? Ха! Нет, конечно, какая ужасная мысль, он вообще не в моем вкусе, сейчас все пройдет. Но слезы не иссякали, и пора было что-то с этим сделать. Представлять Чана Чон Мина голым не имело смысла, это уже ясно, поэтому я сразу перешла ко второму способу. Я перевернулась на спину, задыхаясь от слез, которые заливались мне в рот и в уши, и представила себя мертвой. А когда и это не помогло отвлечься, представила мертвым его. Потом родителей и всех других людей, представила конец света, только бы больше не думать о том, как он коротко, сумрачно улыбнулся, когда помахал мне с парковки около моста.

После этого я прибегла к последнему способу избавиться от влюбленности, способу номер три. До этого я использовала его лишь однажды, из-за мальчика из выпускного класса, в которого успела смертельно влюбиться за время школьного спектакля, где он блестяще играл. Конечно, это был совсем другой случай, сейчас я совершенно не влюблена, просто какое-то наваждение, наверное от жары. Но придется наказать себя за неосторожность, чтобы больше не позволить себе такого.

Я встала, взяла со стола шариковую ручку и вдавила острый стержень в запястье. Конечно, я была в своем уме и ничего по-настоящему плохого себе не сделала бы, но боль заставляла отвлечься, от нее в голове становилось пусто. Я сидела на кровати и вдавливала ручку в бледную внутреннюю сторону запястья, потом выше, по предплечью, к сгибу локтя. Было больно, рука ныла, хотелось подставить ее под холодную воду, но я нарочно терпела, моля, чтобы воспоминания об инспекторе в моей дурной голове теперь навсегда были связаны с этой болью. А еще лучше – пусть воспоминания об этом странном знакомстве просто исчезнут. Я выронила ручку и упала обратно на матрас – прямо в сон, похожий на черную дыру.

Глава 4 «Бар Синих струн»

Я была так измучена и спала так крепко, что не услышала телефонный звонок. Он повторялся и повторялся, вплетаясь в ткань моего сна, и я не сразу поняла, что этот звук реален и надо проснуться. Я протянула к телефону левую руку, но она вспыхнула такой болью, что я зашипела, еле вспомнив, почему она так болит. Схватила упорно звонивший телефон правой рукой и наконец поднесла к уху.

– Предсказательница Ли? – спросил мужской голос: молодой, смутно знакомый. – Это офицер Пак Гиль. – Я резко села. Откуда он знает мой номер? – Извините за беспокойство. Инспектор Чан не выходил с вами на связь?

Я застонала, не сдержавшись. Так старалась забыть это имя, но оно как ни в чем не бывало вернулось буквально через... Я отвела телефон от уха, чтобы взглянуть на часы. Всего через час?! Сейчас только четыре, а меня уже опять тянет на его орбиту, как космический мусор. Инспектор определенно не стоил таких страданий. Страдания из-за красавчика Гиля выглядели бы менее глупо.

– Не выходил, конечно, – очень грубым и неприятным тоном ответила я. – А что?

– Пропал куда-то. Ушел на обеденный перерыв и не вернулся. Сейчас наша смена, а у него телефон выключен.

Я невольно вспомнила, как он стоял на пороге бара, провожая взглядом мою машину. Он что, после этого не вернулся в участок? А куда пошел?

– Откуда у вас мой номер? – спросила я, с трудом ворочая опухшим языком.

Гиль добродушно фыркнул:

– Мы с Ми Рэ пробили ваш номер по базе, имя-то знаем. Я съездил к инспектору домой, он не открывает. Вот и звоню всем, с кем он сегодня общался.

Меня тронуло, что он так беспокоился за босса.

– Он пошел в «Бар Синих Струн», – сказала я, чувствуя, как враждебно звучит мой голос. – Решил проверить, не там ли пила Пак Со Ён.

– О... – растерялся Гиль. – Благодарю. Сейчас съезжу туда.

– А можете... Можете мне потом перезвонить? – выпалила я и тут же об этом пожалела. – Вдруг он просто выпил и отсыпается.

Гиль неожиданно рассмеялся:

– Это было бы в его стиле.

– Серьезно? – удивилась я.

Как бы я ни хотела забыть про инспектора Чана, любую каплю информации о нем впитывала, как сухая земля – воду.

– Да, он... С тех пор как... Словом, уже пару месяцев он, бывает, срывается с поводка. Но чтоб во время смены – никогда.

Еще и пьяница! Замечательно! Меня это так возмутило, что я даже вышла из болезненного сонного оцепенения.

– Позвоните мне, когда он объявится. Пожалуйста. Я чувствую, ну... ответственность за...

«Убеждайте себя, убеждайте, предсказательница Ли, – сказал бы на это инспектор. – Вы просто по мне соскучились, мы же так давно не виделись».

Я мысленно велела ему заткнуться и твердо продолжила:

– Хочу убедиться, что он занимается смертями девушек, а не пьет.

И сбросила вызов. Час назад казалось, что жизнь закончена, но жизнь удивительно умеет продолжаться, несмотря ни на что. Я взяла с собой телефон даже в душ – положила на бортик раковины, выкрутив звук на полную громкость, чтобы не пропустить звонок за шумом воды. Левое предплечье было как один сплошной синяк – во времена старшей школы мой способ номер три имел менее жуткие последствия, сейчас же я пришла в ужас от силы, с которой пыталась изгнать призрак Чана Чон Мина. Почему? Как это могло произойти? То, что перед сном казалось угрожающим, сейчас поблекло, как игра теней, и я только диву давалась, с чего так психанула. Пфф. Гель для душа, оглушительно пахнущий жвачкой, вернул меня к жизни. Полная спокойствия и энтузиазма, я высушила волосы и надела рубашку с длинным рукавом. Поеду в свой салон, хоть уже и поздновато. Если клиенты не появятся, займусь рекламой в интернете, буду потихоньку набирать клиентов.

И тут телефон, который я по-прежнему держала как можно ближе к себе, хотя всерьез не рассчитывала на звонок от Гиля, зазвонил.

– В баре сказали, он действительно приходил, – сообщил Гиль таким тоном, будто мы прервали беседу секунду назад. – Расспрашивал, показывал фотографии девушек. Бармен сказал, что не видел их, и инспектор ушел. Куда он потом зарулил, представления не имею.

– А нельзя как-то, ну, отследить его телефон?

Я села на край матраса, прислушиваясь к тишине за стеной комнаты: папа, наверное, еще в саду, мама на работе.

– Это вы фильмов пересмотрели, – невесело усмехнулся Гиль. – На отслеживание телефона нужно разрешение и кучу бумажек. Старший инспектор не дает – говорит, Чон Мин просто загулял и объявится. Предсказательница, а вы, случайно, не можете выяснить, где он? Разложить карты там, внутренности козла, монеты...

– Внутренности козла?! Офицер Пак, вы... вы очень неверно представляете себе нашу профессию. Найти человека по внутренностям козла – это что-то про шаманов Древнего Китая.

– Ладно, извините. И правда, глупо. Шаманы, астрологи – я в этом не разбираюсь, для меня все примерно одно.

А если с инспектором что-то случилось? Мое сердце обдало жаром от этой мысли. Наверное, это был стыд. Надо было настоять и пойти с ним. Но вот у него челюсть отвиснет, если его найдут с помощью предсказателя. Тогда ему придется признать, что он зря насмеялся над моей работой. Отправил меня домой, как девчонку, но я блистательно отыщу его и оставлю последнее слово за собой. Почувствую себя гордой победительницей, и все фантазии о нем сразу исчезнут. Я способов поиска людей не знала, но был один человек, который мог их знать, если они существуют.

– Офицер Пак, погодите! Я сохраню ваш номер и перезвоню через... через часик, – промямлила я, одновременно мечтая о том, чтобы все это закончилось и продолжалось как можно дольше. – И вы меня тоже держите в курсе, если инспектор вернется.

На том и порешили.

Бывают люди, которые поразительно мало меняются с годами. Моя мама была из таких: сколько я ее помню, она не набирала и не теряла вес, не меняла стиль одежды, не красила волосы в новые оттенки, а редкие удары судьбы переживала настолько стойчески, что на лице это не отражалось. Прическа в виде низкого хвостика, разделенная посередине изящная челка, скупо подкрашенные глаза – женщина без возраста, островок стабильности в жизни клиентов.

Как же объяснить ей, что происходит, не выдавая, почему я беспокоюсь о каком-то полицейском?

Размышляя об этом, я зашла в мамин салон – огромный, в самом центре Андона. Перед входом – клумба, на которой цветы высажены так, что все вместе складываются в мамино имя, весь первый этаж – кафе предсказаний, где можно взять кофе с десертом и погадать на судьбу. На маму работало около десятка предсказателей, и я была среди них, пока она не сделала мне свой потрясающий подарок.

Самой эксклюзивной и дорогой услугой было гадание самой мадам Ли, к ней даже вход был отдельный, не через кафе. Внутри все напоминало дорогой офис врача или адвоката, только с астрологической ноткой. Мама любила свою работу, посвятила ей жизнь и теперь заслуженно пожинала плоды успеха.

Я зашла в ее личную приемную, коротко поклонилась секретарю, и тут как раз открылась дверь в ее кабинет.

– Спасибо, спасибо, – повторял мужчина в деловом костюме, продолжая кланяться даже на ходу.

Я представила мамино предсказание ему:

«Мир бизнеса для вас сейчас пронизан финансовыми потоками. У вас есть энергия и возможности увеличить состояние. Вложенный капитал принесет запланированную прибыль, на ваши мысленные запросы о выгодных инвестициях могут прийти четкие ответы. Вот даты, когда стоит подписывать важные сделки, а теперь расскажите-ка данные рождения ваших коллег. Посмотрим, с кем из них у вас хорошая совместимость».

Бацзы осторожен в формулировках, но мама привносила в него нотку смелой четкости, которой не хватало дилетантам, прячущимся за общими словами.

Секретарь бросила на меня гневный взгляд – она уже приготовилась проводить в кабинет следующую клиентку, – но я обогнула их и заглянула в дверь сама.

– Мама, привет, можно на минутку?

Мама забеспокоилась – я не имела привычки вот так к ней являться. Она вышла в приемную и глубоко поклонилась клиентке.

– Прошу прощения, уважаемая госпожа Хан. Это моя единственная дочь, и нам срочно нужно обсудить кое-что. Можем ли мы пока предложить вам бокал шампанского и легкие закуски?

Сервис на высоте! Я зашла и села в невероятно удобное ортопедическое кресло. Озираться было не обязательно – мама не любила перемены, и хватало секунды, чтобы понять: тут все так же, даже дорожные абстрактные статуэтки занимают те же места, что и прежде.

– Что такое, Юн Хи? Что-то с отцом?

Мама всегда за него беспокоилась, особенно после болезни.

– Нет, нет. – Я нервно поправила пиджак. – Мама, слушай... Ты же великий мастер своего дела.

– Юн Хи, лесть не в стиле древесных Обезьян. Давай-ка пропустим, говори сразу.

– Есть какой-то способ узнать, где искать человека, который пропал?

– О ком речь? – Мама немедленно преисполнилась подозрений.

Соврать или сказать урезанную версию правды? Я никогда ей не врала, я почтительная и покладистая дочь, но немного лести... Я мысленно попросила Хо Тэ Мина о прощении. В двенадцать я пообещала себе, что буду идти прямым путем, не отступая, как он, чтобы познать тайны Вселенной и достигнуть высот в искусстве, но... Мама – Петух стихии огня, они обожают преклонение. Я старалась этим не злоупотреблять, но, может, Чан Чон Мин ранен или пострадал за правду, так что это стоило того.

– Девушка, которая умерла в моем салоне... – Я вежливо сложила на коленях руки и опустила голову в знак почтительности. – Полиция расследует, что с ней случилось, но у них инспектор пропал. Зная, что я дочь самой знаменитой предсказательницы в Андоне, полицейские обратились ко мне, чтобы я попросила тебя о помощи. Они не решились обратиться к тебе напрямую, зная, как ты занята.

– Про меня слышала городская полиция?

– Конечно! Они были просто в шоке, когда узнали, что я – твоя дочь. Полицейские тоже люди, мама! Им тоже иногда хочется прочесть бацзы и узнать судьбу, они верят в наше искусство.

– А почему они звонили тебе? Ты что, общаешься с ними?

– Просто они, когда были у меня в салоне, на всякий случай записали мой номер. А теперь вот позвонили: инспектор пропал, возможно, ранен. Умоляют тебя о помощи. Мама, прошу, прояви свое искусство. Есть какой-то способ?

Мама заколебалась, даже смутилась:

– Юн, ты же знаешь, бацзы – это не гадание, а анализ возможностей, который позволяет приблизить счастливые моменты и вовремя избежать неприятных. Мы же не шаманы.

– Но ты ведь точно умеешь больше, чем обычные астрологи! Помнишь, как ты в детстве мне сказала: «Не ходи сегодня в плавательный клуб, там тебя обидят», я пошла, и девчонки надели мне на голову ведро? Или: «Мальчик, о котором ты думаешь, совсем не такой умный, как тебе кажется», и так и оказалось. Откуда ты все это знала? Такое не прочтешь в бацзы! Умоляю, помоги! Ты говорила, что расскажешь, когда я буду готова. Я готова.

Мама скептически глянула на меня:

– Юн, меня ждет клиентка. Я не маг.

Разочарование оказалось куда сильнее, чем я могла представить. Со времени того самого предсказания я была уверена: мама почти всемогуща, просто успешно скрывает это, чтобы являть свою мощь только в важные моменты, как супергероиня. Я уныло вернулась в приемную, сделала себе капучино в кофемашине, стоявшей рядом с секретарем, – девушка издала

протестующий звук, но запретить не решилась, – и уселась на диван, проводив взглядом заходящую в кабинет клиентку.

Гиль не звонил, значит, Чан Чон Мин не вернулся. Странное, конечно, совпадение: пошел в тот подозрительный бар и с тех пор не выходит на связь. Может, дело и не в баре, но... Я залпом допила капучино и обхватила голову руками. Мягчайший диван в маминной приемной лишал меня воли к борьбе. Мое искусство бессильно, но это ведь не единственный способ найти Чана Чон Мина, поразив его своей пронзительностью. Идеально было бы спасти его от какой-нибудь опасности – вот тогда он совсем по-другому на меня посмотрел бы. Я сжала предплечье через рукав, чтобы боль напомнила мне, какая все же это плохая идея. Но даже боль оказалась бессильна. Я вызвала такси и поехала в «Бар Синих Струн».

Чан Чон Мин сказал, что я не похожа на женщину, которая ходит в бар, поэтому я расстегнула пару пуговиц на рубашке и понебрежнее набросила пиджак. На террасе сидели вполне приличные люди, никаких пьяных тел, валяющихся под столом. Хотя, может, для этого просто рановато?

Внутри все тоже было респектабельно – пожалуй, даже уютно. За парой-тройкой столиков сидели люди и тихо пили красиво оформленные напитки. Бармен вел учет, сверяя бумажный список с чем-то на экране компьютера, и я сглотнула. Да что ж такое, почему вокруг столько красавчиков?! Это все равно что жить рядом с кондитерским магазином, когда тебе нельзя сладкое. Парень с выбритыми висками, с серьгой в ухе, да еще и в майке без рукавов – видимо, для большей сексуальности.

И конечно, весь в черном. И джинсы с низкой посадкой, которые я увидела, когда он вышел из-за стойки считать какие-то ящики.

– Здравствуйте, – развязно протянул он. – Кофейку?

– А... Ага, – выдавила я, пытаясь побороть внезапное смущение.

Я обычно просто не оказывалась поблизости от таких парней в майках без рукавов. Бары, ночные клубы, вечеринки – места, которые я всячески избегала, потому что опасность втрескаться в кого-нибудь под воздействием алкоголя, музыки и вот так одетых людей возрастает, а я хотела прожить долгую жизнь, полную служения людям, как Хо Тэ Мин.

Красавчик бросил свой список и принялся возиться с кофемашиной. Запястья у него были все в браслетах. Он протянул мне латте, я вползла на смехотворно высокий барный табурет и вцепилась в свою чашку. Латте я не пью, только капучино, но теперь было уже как-то неудобно об этом сказать. Бармен оперся на стойку, и его подкачанные, голые до плеч руки оказались недалеко от меня. Я чопорно выпрямила спину, не зная, как себя ведут в таких ситуациях.

– Спрашивайте, – сказал он.

– О... О чем?

– Такие девушки не заходят к нам без причины. И без парня.

Он пожал плечами, и мышцы красиво перекатились под кожей. Я торопливо отвела взгляд.

– Такие... Какие? – Хотелось собрать обратную связь от как можно большего количества парней, что же все-таки со мной не так. – Одетые в пиджаки?

– Дело не в пиджаке. Если я надену свой, мало что изменится. – Он даже порылся под стойкой, вытащил черный пиджак и надел. Да, он прав: выглядел все так же сексуально. – Но у вас глаза испуганные, как будто это ваш первый раз. – Он весело ухмыльнулся. – Не волнуйтесь. Первый раз – это не страшно.

Да что происходит?! Я подскочила, как кот, на которого наступили, пока он спал. Бармен засмеялся и вернулся к своему списку.

– Короче, я понимаю, что вы не просто так пришли. Сначала явился коп, потом еще двое, парень с девушкой. Теперь вы. Держу пари, вы какая-нибудь журналистка или блогер.

– Я астролог.

Он заржал:

– Обалдеть. И как, день сегодня благоприятный, чтобы выпить?

– Вполне, – дерзко ответила я и сама себя похвалила, что так быстро нашлась с ответом, а не блеяла как овца.

– Приходите вечером. У меня учет, сейчас привезут продукты, надо успеть досчитать остатки. А часов с девяти у нас очень весело. Налью вам за счет заведения, чтобы звезды были ко мне благосклонны.

Я так смешалась, что кивнула и сползла со стула, чтобы уйти, когда он сам, спасибо ему большое, напомнил о цели моего визита.

– Так что, вы даже не спросите, видел ли я тех девушек? Не поверю, что вы тут ради латте, тем более вы не стали его пить.

– Вы их видели?

– Приходите вечером – скажу.

Я что-то промямлила и полезла за телефоном, чтобы заплатить за кофе, но он махнул рукой.

– Не нужно. Увидимся.

Внутри у меня набухали разом и возбуждение, и тревога.

«Такой красивый», – сказала девушка в моем салоне про какого-то парня. И не знала даты его рождения. Она вполне могла познакомиться с кем-то в баре, провести с ним ночь, а утром решить проверить совместимость. Конечно, вряд ли речь о бармене, но...

– У вас такое милое лицо. На нем все можно прочесть, и даже астрологом быть не надо. – Он зажмурился и сделал вид, что водит над стойкой руками, как шаман. – Вы решаете, прийти ли вам вечером. Духи передают вам: приходите.

Я поклонилась и вылетела из бара. Солнечный свет ударил по глазам. Как будто в другой стране побывала! И ничего не узнала – просто молодец, Юн Хи, отличное расследование! Выяснила, что в баре работает симпатичный парень. Я позвонила Гилю и честно сказала, что ничего про инспектора не развела.

– Ну ладно... – вздохнул он. На заднем плане раздавались голоса и шум машин, – видимо, он был в патруле. – Появятся новости, сообщу.

Самым мудрым решением было бы поехать в салон и все-таки заняться запуском рекламы, но я, конечно, этого не сделала. Меня предательски тянуло на мост Лунного Света, чтобы бродить там, вспоминая вчерашнюю прогулку, но я нажала себе на предплечье и постаралась отвлечься на боль. До девяти еще есть время. Переодеваться не буду, мне особо и не во что. Обувки на каблуках нет, ни одной короткой юбки – тоже, живу скучной жизнью. И красной помады, естественно, нет. Но я все равно пойду в бар – назло судьбе и инспектору Чану. Просто понаблюдаю и ни в кого, естественно, не буду влюбляться. Жизнь стала такой интересной – пойду ей навстречу.

Я дошла до автобусной остановки и села на скамейку – там охлаждающие панели, всегда приятно на них посидеть летом, – и, чтобы проверить, вытеснен ли образ Чана Чон Мина барменом, открыла наши вчерашние фотки. И почувствовала, что улыбаюсь, – прямо из глубины сердца, и это было совсем не то, что облизнуться на симпатичного бармена. Когда инспектор был рядом, даже если только на фото, это было как анестезия. Приглушало любую боль, делало меня мягкой и бессильной. Я включила музыку в наушниках и бродила по городу, глядя на детей, собак, магазины, взбудораженная новыми ощущениями, а к девяти поехала в «Бар Синих Струн».

Поступлю как взрослая женщина: выпью все, что у них найдется, пофлиртую с барменом, подменю мысли о Чане Чон Мине другими. Это будет мой способ номер четыре, новый. Отчаянным временам – отчаянные меры.

К ночи бар ожил. На террасе, на пороге, даже в ближайшем сквере пила и болтала огромная компания молодежи, броско одетые девушки общались с нарядными парнями. На веранде танцевали, и я невольно позавидовала. Музыка была негромкая, чтобы не беспокоить горожан, но все равно – ого! Вот это веселуха! Я представляла себе гнусную обитель порока, а это было веселое и забавное место. Танцевать я особо не умею, но покачиваться в такт музыке смогу. Хоть разок попробую, каково это! Главное – делать вид, что мне весело и что я часто бываю в барах. Всё лучше, чем лежать дома и тыкать ручкой себе в предплечье.

За стойкой был тот же самый парень, на этот раз в белоснежной рубашке. Наливал людям, улыбался, весело переговаривался. Я подошла с таким озабоченным деловитым видом, будто с трудом нашла в своем расписании окошко, чтобы выбраться сюда.

– О, привет! – Он перегнулся через стойку и чмокнул меня в щеку. Я ошарашенно моргнула. – Круто, что пришла. Что пьешь?

– Капучино.

– В девять вечера? В баре?!

Как объяснить ему, что я люблю привычные продукты и напитки? Он уже смешал и протянул мне что-то алкогольное. Под его взглядом пришлось отхлебнуть. Сладко и крепко.

– Так вы видели тех девушек? – спросила я.

– Может, и видел, – легкомысленно ответил бармен. – А может, просто хотел, чтобы вы пришли снова. Не уходите, я расскажу все, что знаю.

Пока он отвлекся на других посетителей, я осмотрелась, держа в руках бокал, из которого больше не сделала ни глотка. Музыка приятно отдавалась во всем теле, тут было много девушек, одетых как Пак Со Ён, но ничего похожего на порчу, колдовство или принуждение не происходило. Девчонок лапали чуть сильнее, чем я сочла бы приличным, но это, наверное, во мне говорил чопорный голос моей матери, а нормальные люди так и отдыхают. Я устала бороться – другие вокруг меня жили, не боясь умереть, и я изо всех постаралась погрузиться в их мир.

Бармен пробрался ко мне, когда я уже собралась уходить. За стойкой вместо него теперь стояла девушка с серьгой в ухе.

– Смотрю, вы не пьете.

Он кивнул на мой коктейль. Под его обиженным взглядом я опрокинула коктейль в рот.

– Вы их видели? – повторила я. – Тех девушек, фотки которых вам показывал полицейский.

– Я вижу много девушек, но не на всех хочется долго смотреть.

А вот это было уже подозрительно. В рейтинге красоты девушек, находящихся в этом баре, я плелась бы в хвосте. Я нервно рассмеялась, но бармен протестующе цокнул языком, забрал у меня из рук бокал и оставил на ближайший столик.

– Не нужно себя недооценивать. – Он потрогал мою щеку, и я почувствовала себя очень странно.

Мне казалось, если что-то в этом духе со мной однажды произойдет, мне очень понравится, но сейчас было скорее неприятно от такого вторжения в личное пространство. От коктейля я слегка опьянела и все равно чувствовала себя не расслабленной и веселой, а какой-то заторможенной. А потом его руки оказались у меня на пояснице – и пока я думала, хочу ли, чтобы они там были, он меня поцеловал. Горячие губы на моих губах. Впервые в жизни. Мой мозг продолжал работу, его не уносило горячей волной, как пишут в книгах, я сохраняла абсолютную трезвость рассудка и только подумала: «Так вот как это – целоваться».

Знаю, позорно не целоваться ни с кем до двадцати, и я бы лучше умерла, чем призналась кому-нибудь в этом, но в двенадцать я жутко испугалась маминого предсказания. Ведь для того, чтобы тебя кто-то поцеловал, надо сначала оказаться в ситуации, где такое может произойти. За всеми этими размышлениями я как-то просмотрела момент, когда поцелуй стал

неприятно глубоким и настойчивым, и вместо волнения просто почувствовала, что чей-то язык настойчиво облизывает изнутри мой рот.

– Можно я... спрошу кое-что? – храбро спросила я, упираясь руками ему в плечи.

– Давай.

– Скажите мне честно. – Я сжала обе руки на его рубашке. – Пожалуйста, скажите, вы видели тут тех девушек?

Он смотрел на меня, продолжая крепко обнимать за талию посреди бара. Тут это, похоже, никого не смущало. Потом его руки сползли ниже, и я снова замерла. Вместо ответа он поцеловал меня снова, и в этот момент я заподозрила, что ничего он не знает. Но как быть? Он мне вроде был симпатичен и я, похоже, сама с ним заигрывала, так что отказать уже было неудобно. Я впервые пожалела, что неловкий школьный флирт, поцелуи и бесконечные вечеринки прошли мимо меня. Не хватало опыта оценить все грани ситуации: я чувствовала лишь мокрое и горячее прикосновение на своих губах и думала, вежливо ли будет оттолкнуть его. Ничего плохого он ведь мне не сделал.

– Ты такая красивая, – шептал бармен, и мне стало жаль себя до слез. – Идем, покажу тебе свою берлогу, там классно.

Мой мыслительный процесс был абсолютно парализован. Я стояла и думала: «Вот сейчас я, наверное, и выясню, что случилось с девушками. Наверняка он врет. Он видел их, видел и убил. Хоть бы на этот бар прямо сейчас обрушился тайфун и прекратил все это вместо меня».

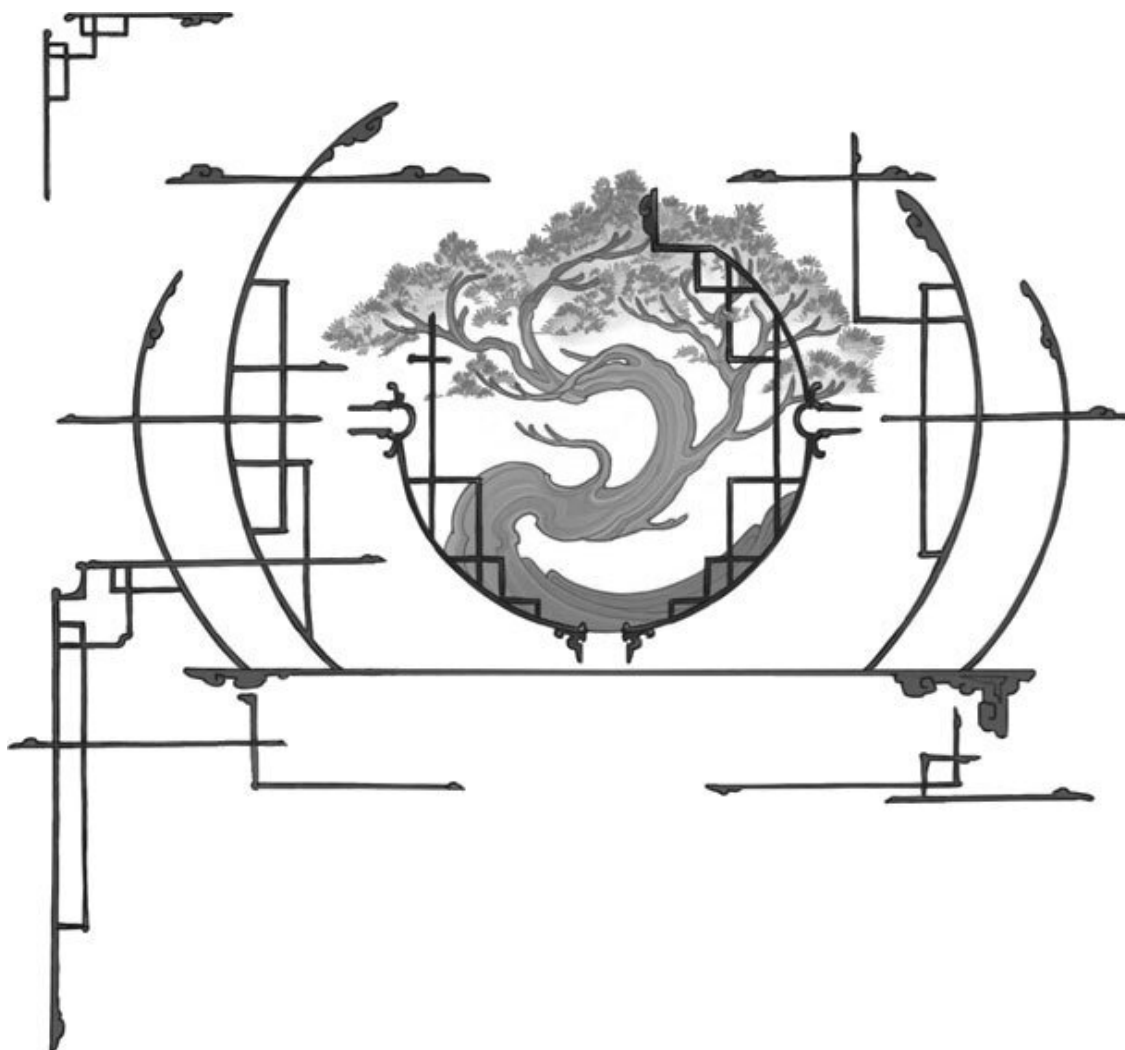
Бармен потянул меня за руку, и мои ноги сами сдвинулись с места.

– Беби! – раздался возмущенный голос рядом со мной. – Малышка, ты чё тут устроила?

Глава 5

Разумная женщина

Я обернулась. Какой-то парень в черной кепке и надетом поверх нее капюшоне толстовки взял меня за локоть и потащил за собой, крикнув бармену что-то неразборчиво-грубое. Все произошло так быстро, что я даже опомниться не успела, а тип в черном уже утянул меня в толпу танцующих, протащил через них, как бульдозер, вытолкал в широкий коридор, ведущий к туалету, и развернул к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.